DU SACERDOCE

DANS

L'ÉGLISE CHRÉTIENNE,

THÈSES

PRÉSENTÉES A LA FACULTÉ DE THÉOLOGIE ET A LA VÉNÉRABLE COMPAGNIE DES PASTEURS DE GENÈVE,

PAR

JULES-ERNEST NAVILLE,

ÉTUDIANT.

GENÈVE,

IMPRIMERIE CH. GRUAZ, RUE DU PUITS-SAINT-PIERRE.

1839

О СВЯЩЕНСТВЕ
В ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

ТЕЗИСЫ,

ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ФАКУЛЬТЕТУ ТЕОЛОГИИ

И ДОСТОПОЧТЕННОМУ ОБЩЕСТВУ ПАСТОРОВ ЖЕНЕВЫ

ЖЮЛЕМ-ЭРНЕСТОМ НАВИЛЕМ, СТУДЕНТОМ

ЖЕНЕВА

1839

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

- ВВЕДЕНИЕ — 3
- § I. Общая идея священства — 3
- § II. О служителях религии у евреев — 3
- § III. О священническом характере Иисуса Христа — 4

- ГЛАВА I. О миссии апостолов — 5
- § 1. Об апостолах по Евангелиям — 5
- § 2. Об апостолах по Деяниям и Посланиям — 7
- § 3. передаче апостольской власти — 13

- ГЛАВА II. О служителях религии в первохристианской Церкви — 14
- § 1. Первые служители — 14
- § 2. Пресвитеры (πρεσβύτεροι) — 15
- § 3. Организация Церкви в первый период апостольского века — 15
- § 4. Организация Церкви во второй период апостольского века — 17
- § 5. Об организации первохристианской Церкви в её соотношении с христианством в целом — 18

- ГЛАВА III. Происхождение и формирование идеи священства в христианстве - 19

- ГЛАВА IV. Церковные теории различных христианских Церквей — 28
- § 1. Католическая система — 28
- § 2. Англиканская система — 31
- § 3. Протестантская система — 33

- ГЛАВА V. Результаты и заключение — 37

ВВЕДЕНИЕ

История древнего мира во все времена и у всех народов показывает нам существование особого класса людей, выступающих в качестве посредников между Богом и их собратьями. Этот класс, более или менее влиятельный, более или менее замкнутый, составляет священство. Священство также существует — под именем духовенства — в большинстве христианских исповеданий. Было ли оно установлено Иисусом Христом? Если нет, то какими причинами объясняется его появление? Какое представление мы можем законно составить о природе функций служителей Евангелия? Вот вопросы, которые я попытаюсь разрешить.

Я не собираюсь писать трактат о церковном управлении. Рассматривая духовенство в целом и стремясь выявить подлинное происхождение его власти, я оставляю в стороне вопросы, касающиеся либо его внутренней организации, либо границ его полномочий.

§ 1. Общее представление о священстве

Согласно редким и туманным сведениям, которые дают нам Священные Книги о первоначальном состоянии человечества, мы видим, что в начале человек общался со своим Творцом напрямую. Когда человеческий род умножился, главы семей пользовались особым почётом, получали божественные откровения и были поручены приносить жертвы Господу. Вскоре мрак заблуждений и порока одновременно уничтожил как естественную связь души с Богом, так и свет первичного откровения.

Тогда неизбежно произошло то, что люди, отличавшиеся умом или добродетелями, сохранили некоторые из исчезающих понятий. Так они оказались в положении, превосходящем остальных, и невежественная толпа была вынуждена обращаться к ним, чтобы узнать божественную волю. Постепенно эти люди сблизились, объединились и, в конце концов, образовали отдельную касту, ставшую необходимым посредником между человеком и Богом. Кажется, что по мере исторического развития человечества всё более отчётливо проявляется существование этой священнической касты у истоков исторической эпохи.

Функции, приписываемые священникам, сводятся к посредничеству между Богом и человеком. Из этой идеи вытекают различные частные представления. Как истолкователь Бога перед человеком, священник учит религиозной истине, которой он обладает исключительно — либо непосредственно, либо через священные книги; он возвещает будущее, дарует прощение грехов при определённых условиях. Как истолкователь человека перед Богом, он приносит жертвы или указывает, как это следует делать надлежащим образом; он учит действенным молитвам или сам молится за других. Одна основополагающая идея, которая, впрочем, вытекает из самой природы вещей, состоит в том, что служение священников было вверено им самим Богом.

§ 2. Служители религии у иудеев

Общение Бога с членами той семьи, которую Он избрал особенно, вначале было лишь продолжением прямого общения, которое Бог имел с человечеством в целом. Во времена Моисея мы видим появление особого класса религиозных служителей — колена Левия. В этом колене одна единственная семья была поручена приносить Богу жертвы от лица народа, и строжайший запрет с самыми суровыми угрозами был наложен на попытки кого-либо иного исполнять эту святую обязанность. Но эта обязанность — единственная из всех, связанных с посредничеством, — была вверена иудейским священникам. У них не было монополии на религиозную истину (Втор. 6, 6–9; 11, 18–20).

Они даже не были обычно назначенными учителями, обязанными преподавать и истолковывать закон. Они не получали непосредственных пророческих откровений Божией воли. Последняя привилегия принадлежала пророкам, чьё произвольное избрание служило, в известном смысле, протестом против принципа исключительного священства. Несмотря на эти обстоятельства, очевидно, что иудейские священники, избранные Богом и наделённые им особым служением, составляли подлинное священство, хотя и ограниченное в своих полномочиях.

Рядом с храмом и его священниками мы встречаем Синагогу с иным культом и другими служителями. Эта институция, которая, по-видимому, не восходит к более раннему времени, чем период Вавилонского пленения (по крайней мере, в своей регулярной форме), возникла из потребности собираться для молитвы, чтения и толкования Закона. Собрания, которые происходили в частных домах там, где жило лишь немного иудеев, в Иудее приняли более устойчивую форму. Были назначены специальные люди для руководства этим богослужением.

Первоначально, как видно (Неем. 8, 2–9), эти функции могли исполняться священниками и левитами, но это имело случайный характер. Маловероятно, что они продолжали исполнять эти обязанности ко времени Иисуса Христа. Вот, как, по-видимому, выглядело устройство Синагоги в ту эпоху:

- ἀρχισυναγώγος (архисинагогос) — председатель собраний, наделённый правом давать слово и приглашать к выступлению;
- πρεσβύτεροι (пресвитеры) — старейшины, составлявшие совет главы, совместно с ним руководившие собраниями, занимавшиеся управлением милостыни и дисциплиной;
- διάκονοι (диаконы) — сборщики пожертвований;
- ὑπερέτης (гиперетес) — служитель, отвечавший за материальную часть культа и помещения;
- legatus ecclesiæ (посланник церкви) — доставлял в Иерусалим пожертвования из других Синагог или возносил публичные молитвы от имени всех.

Как видно, эти должности касались исключительно администрирования общины. Функции собственно культа не были прерогативой отдельных лиц. Любой верующий мог читать Писание и выступать с увещанием. Эти служители религии у иудеев делились на три чётко различающиеся группы: левиты и жертвоприносители, пророки, сотрудники Синагоги. Первые составляли касту, учреждённую Богом. Вторые получали прямой призыв от Господа. Третьи — учреждённые, по-видимому, по обстоятельствам и чисто человеческим способом — были лишь распорядителями и служащими общины.

§ 3. О священническом характере Иисуса Христа

Будучи посланником Бога для обновления религии, был ли Христос жрецом? был ли пророком? был ли учителем? Какое место мы должны ему отвести? Только изучение тех функций, которые приписывают ему Священные Книги, может прояснить это.

Иисус обладает и с авторитетом преподаёт религиозную истину (Матф. 5, 22); предсказывает будущее (Матф. 14); произносит прощение грехов (Матф. 9, 6). Он одновременно и жрец, и жертва (Евр. 2, 17; 5, 1–5; 7, 27; 10, 26). Он учит своих учеников, как следует молиться, чтобы быть услышанными Богом (Иоан. 14, 13; Матф. 6, 9–15), и сам непрестанно предстоит за них перед Отцом (1 Иоан. 2, 1). Он представляется нам как одновременно священник, пророк и учитель. В его лице сосредоточены все качества, которые народы приписывали своим жрецам. Более того, если он посредник (1 Тим. 2, 5), то не только потому, что способен общаться с Отцом, но потому что всё, что имеет Отец,

принадлежит Ему (Иоан. 16, 15), ибо сам Отец пребывает в Нём (Иоан. 14, 10) и дал Ему всю власть на небе и на земле (Матф. 28, 18).

Иисус Христос был, если можно так выразиться, полным и абсолютным воплощением идеи священника. Он установил между небом и землёй такие тесные связи, какие только допускает природа вещей. С его пришествием исчезло одновременно и иудейское, и языческое священство — не потому, что он упразднил священство и жертвы, но потому что он в полной мере удовлетворил тем требованиям посредничества, на которые религия Моисея отвечала лишь частично, а служение ложным богам — обманчиво.

Его посредничество не только совершенно — оно непрерывно. Только будучи непрерывным, оно может быть единственным (1 Тим. 2, 5), поскольку должно вечно отвечать на неизменные потребности. Если первосвященник Нового Завета обладает священством, не переходящим к другим, то это потому, что он пребывает вовек (Евр. 7, 24). Если жертва была принесена один раз (Евр. 9, 26), то потому, что она всегда действенна, так же как и священник — вечен. «Я с вами во все дни до скончания века».

Как следует понимать это присутствие и это действие Христа в Церкви? Все ли верующие равны перед ним? Или некоторые из них призваны применять к другим плоды его посредничества? Именно эти вопросы я теперь попытаюсь разрешить, обратившись к фактам.

ГЛАВА I. О миссии Апостолов

§ 1. Об Апостолах согласно с Евангелиями.

Иисус, по-видимому, в течение некоторого времени проповедовал о Царствии Божием, не устанавливая различий между слушателями, к которым обращался (Матф. 4, 17–19). Но вскоре Он избрал учеников, к которым относился особенно, и особенно — двенадцать, которым дал имя Апостолов (Лук. 6, 13; Иоан. 6, 70; Марк 3, 14). Я намерен последовательно рассмотреть — по словам Самого Учителя — их призвание, их служение, наконец, их привилегии и полномочия.

I. О личном призвании каждого Апостола нам не сообщается. Однако личное призвание не было исключительно уделом двенадцати, ибо мы видим (Лук. 9, 59–60), что Иисус индивидуально призвал человека, о котором впоследствии ничего не говорится. Мы располагаем лишь немногими сведениями о том, как Спаситель побуждал первых учеников последовать за Ним. Чаще всего сообщается лишь, что Он сказал им: следуйте за Мной. Он возвестил Петру и Андрею (Матф. 4, 19), что они предназначены привлекать людей к истине проповедью: ποιήσω ὑμᾶς ἁλιεῖς ἀνθρώπων (сделаю вас ловцами человеков). События, изложенные в Иоан. 1, 42–46, позволяют предположить, что чудеса Иисуса побудили этих людей признать в Нем обещанного Мессию. Их иудейские представления позволяют понять, почему они легко оставили свои занятия, чтобы следовать за Тем, кого считали восстанавливающим царство Израиля.

II. Служение Апостолов делится на два периода: тот, в который Иисус Христос пребывал с ними, и тот, что последовал после Его воскресения. В течение первого периода они должны были возвещать только иудеям (Матф. 10, 5–7) пришествие Мессии, крестить (Иоан. 3, 22–28; 4, 2) и подтверждать подлинность своей миссии чудесами (Матф. 10, 1, 8). Наставления, полученные ими по этому поводу, изложены в 10-й главе Евангелия от Матфея и в Лук. 9, 1–6. В остальное время они почти постоянно пребывали со своим Учителем и получали от

Него наставления, а периоды их временного отлучения были, вероятно, редкими и недолгими (Марк 6, 30; Лук. 9, 10).

После сошествия Святого Духа их служение, по сути, оставаясь тем же, получило более широкое распространение. Им предстояло наставлять уже не только иудеев, но все народы (Матф. 28, 19), крестить (Матф. 28, 16–20; Марк 16, 15), свидетельствовать о жизни и воскресении Иисуса (Лук. 24, 48; Иоан. 15, 27), а также доказывать свою божественную миссию проявлением сверхъестественной власти. Они предстали как посланники Спасителя, предназначенные возвещать Его пришествие и делать известным Его учение. Здесь нет ничего, что принадлежало бы исключительно им. Мы видим (Лук. 10), что семьдесят учеников получили миссию, аналогичную миссии двенадцати, что один неизвестный человек был послан возвещать Царствие Божие (Лук. 9, 60), а Апостолам был дан упрек (Марк 9, 37–38; Лук. 9, 49–50) за то, что хотели запретить другому совершать чудеса именем Учителя только потому, что тот не следовал за ними.

III. Некоторые полномочия и привилегии были необходимы двенадцати, чтобы они могли исполнить возложенную на них задачу. Их первой привилегией было жить с Учителем и получать от Него особые наставления. Часто Иисус объяснял им то, что народу говорил лишь притчами. К этой привилегии прибавлялось обещание получения даров Святого Духа, которые должны были напоминать им полученные наставления (Иоан. 14, 26), сообщать новые (Иоан. 16, 13), направлять их в общем (Лук. 14, 49) и восполнять недостаточность их собственных способностей в трудных обстоятельствах ради Христа (Матф. 10, 19–20; Марк 13, 11; Лук. 12, 11–12). Из вдохновения свыше вытекало также и дарование чудотворной силы, и уверенность в том, что всё возвещённое под действием этого вдохновения будет утверждено на небесах.

Таковы привилегии двенадцати. Они отнюдь не составляют священнического служения, ибо в них нет ничего исключительного. Ведь не только двенадцать получали особые наставления Иисуса, но все, кто следовал за Ним, кто был более восприимчив к Слову, чем прочие иудеи — οἱ περὶ αὐτὸν (те, кто были с Ним) (Марк 4, 10). Это подтверждается сказанным относительно Матфея, Деян. 1, 21.

Обетования, касающиеся дара Святого Духа, содержатся преимущественно в последних речах из Евангелия от Иоанна, обращённых только к Апостолам (Матф. 26, 20); но в конце Евангелия от Луки мы находим те же обетования, данные в торжественной обстановке не только двенадцати, но и другим ученикам (τοὺς σὺν αὐτοῖς — тех, кто был с ними) (Лук. 24, 33). Точно так же, когда говорится о власти прощать и удерживать грехи (Иоан. 20, 23), ничто не указывает на то, что эти слова обращены только к Апостолам. Стихи 1 и 2 главы 21 даже склоняют к противоположному мнению.

Вообще говоря, очень трудно, а порой, я думаю, невозможно различить в Евангелиях, когда Иисус обращается к двенадцати, а когда — к ученикам в целом. Всякий раз, когда не упоминается имя Апостол или число двенадцать, неопределённое обозначение οἱ μαθηταὶ (ученики) остаётся для нас неясным; а слово «Апостол» встречается в четырёх Евангелиях не более девяти раз.

Та неопределённость, в которой оставили нас священные писатели в этом вопросе, по-моему, сама по себе достаточно свидетельствует о том, что не следует искать в речах Иисуса особых обетований для какого-то отдельного класса учеников. Он обращался не только к двенадцати, не к касте, которая должна была бы прийти им на смену, но ко всем верующим всех времён, представителями которых были Апостолы. Это к нам всем обращены те возвышенные речи, полные радостных обетований и неизреченных утешений; и мы не должны позволить отнять у себя это преимущество — ни притязаниям

узурпаторского священства, ни той сухой и печальной экзегезе, которая стремится ограничить смысл слов жизни узкими рамками личных обстоятельств.

Таким образом, в самих речах Иисуса нет ничего, что даровало бы Апостолам особые и исключительные полномочия, ничего, что делало бы их по существу отличными от прочих учеников. Мне остаётся теперь рассмотреть, даёт ли их деятельность в христианском обществе иные данные по этому вопросу.

§ 2. Апостолы по книге Деяний и Посланиям

Черты, которые книга Деяний и Послания представляют как отличительные признаки апостольской функции, сводятся к следующему:

Видение воскресшего Христа. Миссия Апостолов, особенно в самые первые времена, кажется полностью сосредоточенной на утверждении воскресения их Учителя. Это объясняется естественным образом, поскольку признание этого великого факта влечёт за собой принятие всего учения Христа.

Чудесная сила. Апостолы обладали способностью творить чудеса. Иногда мы видим, что они предсказывали будущее. Наконец, они передавали другим аналогичную им силу (Деян. 8:14–17).

Догматическая власть. Две причины способствовали тому, что Апостолы обладали такой властью: наставления Иисуса и помощь Святого Духа. Эта черта, следовательно, отчасти зависит от предыдущей.

Дисциплинарная власть. История Анании и Сапфиры (Деян. 5:1–11) показывает наказание, наложенное Апостолом. В различных местах своих посланий Павел даёт приказы, касающиеся церковной дисциплины, «во имя Господа нашего Иисуса Христа» (ἐν ὀνόματι τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ — 2 Фес. 3:6), «с силой...» (σὺν τῇ δυνάμει... — 1 Кор. 5:3–4). Он представляет себя как обладающего правом требовать послушания от общин (2 Кор. 2:9; 10:6) и как получившего от Господа власть наказывать (2 Кор. 13:2, 10). Но нигде мы не видим, чтобы Апостолы могли индивидуально произносить отпущение грехов. История Симона (Деян. 8:22–24) даже предполагает обратное.

Управление Церковью. Когда община в Иерусалиме назначает своих первых служителей (Деян. 6:2), это Апостолы собирают народ и выражают своё мнение. Это они посылают Петра и Иоанна в Самарию, где распространялось Евангелие (Деян. 8:14). Павел созывает в Милет старейшин Церкви в Ефесе (Деян. 20). Одним словом, Апостолы — как поодиночке, так и вместе — осуществляют общее руководство Церковью.

Назначение служителей. Павел ставит πρεσβύτεροι (пресвитеров, старейшин) в различных местностях (Деян. 14:23). Он назначает Тита главой церквей Крита (Тит 1:5). Когда иерусалимская церковь избрала раздатчиков милостыни, именно Апостолы поставляют их в должность через возложение рук (Деян. 6:4–6).

Совершение Таинств. Матф. 28:19. Одиннадцать учеников получают повеление крестить.

Таковы основные черты, характеризующие апостольскую функцию. Теперь нужно рассмотреть, были ли эти силы, которые я только что перечислил, исключительным привилегием двенадцати Апостолов, избранных Иисусом Христом.

Два факта, которые могут существенно повлиять на решение этого вопроса, в зависимости от того, как их понимать: избрание Матфия и сошествие Святого Духа в день Пятидесятницы. Факт, что Апостолы избрали преемника Иуде (Деян. 1:15 и далее), мог бы

означать, что они считали себя отдельным орденом среди верующих, обладающим особенными привилегиями. Но сам рассказ об этом избрании доказывает, что Иисус не оставил им никакого распоряжения по этому поводу. Пётр, в самом деле, обосновывая своё мнение (Деян. 1:20), не приводит повеления Господа, а лишь применяет к случаю стих из Псалма 109 (Пс. 108 в слав. Библии).

Нетрудно понять, почему Апостолы сочли нужным сохранить число двенадцать полным — число дорогое для иудеев из-за двенадцати патриархов и двенадцати колен. Нет необходимости усматривать в этом результат Божественного вдохновения. Заметим, кроме того, что целью, названной Петром, было избрание ученика, который бы специально засвидетельствовал воскресение Иисуса, а не избрание главы Церкви.

Великий факт Пятидесятницы, если бы он касался только Апостолов, был бы решающим в нашем вопросе, показывая, что последние обетования Иисуса Христа относились исключительно к ним. Но весьма вероятно, что все ученики, а не одни только Апостолы, участвовали в этом чудесном действии. Хотя речь идёт о двенадцати (1:26), слово ἅπαντες (все — Деян. 2:1) относится естественнее к μαθηταί (ученики — 1:15), который является общим субъектом. Стихи 17 и 18 главы 2, как мне кажется, дают очень сильный аргумент в пользу этого толкования, которое также подтверждается всей совокупностью данных, которыми мы располагаем об апостольской Церкви.

Таким образом, два основных факта, которые можно привести, чтобы показать, будто Апостолы были людьми, обладавшими исключительной властью, на самом деле не имеют решающей силы. Факты же, напротив, указывающие на противоположную точку зрения, мне представляются столь же убедительными, сколь и многочисленными. Я разделю их на две категории: факты, мешающие провести чёткую границу между двенадцатью Апостолами и другими верующими, и факты, показывающие, что функции двенадцати не были исключительными.

I. Павел представляет себя как равного другим Апостолам, не только по титулу (что само по себе ничего не доказывает), но и по властным полномочиям, которые он себе приписывает. Однако нигде мы не видим, чтобы двенадцать приняли его в своё число. Если бы они обладали некими исключительными привилегиями, они признали бы Павла за своего, и Павел бы ясно выразил это в Послании к Галатам. Но всё, что можно из него извлечь, — это то, что Апостолы признали его законным проповедником Евангелия (Гал. 2:7). Если бы Павел, став Апостолом, вошёл в состав постоянного и официального корпуса, он бы согласовал с его членами свою деятельность прежде, чем приступить к делу. Однако он утверждает, что не сделал этого (Гал. 1:17). Наконец, он получил возложение рук не от Апостолов, а от простого ученика (τις μαθητής — некто из учеников, Деян. 9:10).

Можно сказать, что по своему чудесному призванию Бог Сам поставил его на один уровень с двенадцатью; но если внимательно рассмотреть то, что нам об этом сообщается (Деян. 9:15–17; 22:14–15; 26:16), то окажется, что это призвание заключалось в том, что Павел увидел Иисуса Христа и получил от Него миссию проповедовать Евангелие. Но это чудесное видение Спасителя было не уникально для Павла (Деян. 9:10), и оно поставило его в этом отношении в то же положение, что и других учеников, видевших Учителя после Его воскресения. Миссия же проповеди Евангелия также не была уделом только Апостола язычников. В итоге, обращение Павла — это не факт, вырвавший его внезапно из среды верующих и включивший в число двенадцати, избранных Иисусом Христом.

Более того, если бы кто-то захотел буквально толковать слова, то можно было бы, сравнив Матф. 28:19 и 1 Кор. 1:17, заключить, что Господь не поставил Павла Апостолом в том же смысле, что и двенадцать. Аналогичным образом можно было бы привести в аргумент Откр.

21:14, где упомянуты только двенадцать Апостолов, — в отрывке, написанном в конце апостольской эпохи. Каждому верующему давались дары Святого Духа с определённой целью; Павел получил их вместе с миссией идти проповедовать Евангелие язычникам. Вот и всё, что он хочет сказать, когда с такой настойчивостью провозглашает себя Апостолом. Павел, следовательно, никогда не был явно причислен к двенадцати; и с другой стороны, невозможно отрицать, что он находится на одном с ними уровне. Продолжим.

Павел находится на одном уровне с Апостолами. Варнава, в свою очередь, находится на одном уровне с Павлом. Этот Варнава, по всей вероятности, знал Спасителя; и ничто, как я думаю, не противоречит традиции, переданной Евсевием[1], которая причисляет его к числу семидесяти учеников. Во многих местах он назван Апостолом и поставлен на один уровень с Павлом (1 Кор. 9, 5–6). Он творит чудеса вместе с ним (Деян. 14, 1–4, 14). Он учреждает πρεσβύτεροι (старейшин) вместе с ним (Деян. 14, 23), рассматривается наравне с ним на Иерусалимском соборе (Деян. 15, 25).

[1] История Церкви, Книга I, гл. 12.

Наконец, Павел ставит его наравне с собой, когда он сравнивает себя с Петром (Гал. 2, 7–9). Напрасно представляют Варнаву как подчинённого спутника Павла. Напротив, это Варнава сначала защищает бывшего врага христиан и приводит его к Апостолам (Деян. 9, 27). Он проявляет независимость от него и равенство с ним, отделяясь от него и проповедуя самостоятельно. Итак, у нас нет причин не ставить Варнаву на одну линию с Павлом. Но тогда почему не поставить туда же и Аполлоса, который назван Апостолом (1 Кор. 4, 9) и поставлен Павлом на один уровень с собой (1 Кор. 3, 5)? И так же — других[1]?

[1] Ср. А. Бост, Исследования о Конституции и формах христианской Церкви, Женева, 1835, стр. 21–22.

Мы видим в Антиохийской церкви (Деян. 13, 1), как Павел и Варнава были среди других προφήται καὶ διδάσκαλοι (пророков и учителей), а затем по повелению Святого Духа были отделены. Наконец, Евсевий относит Павла «к числу многих, которых, помимо двенадцати Апостолов, называли Апостолами по их примеру». Следовательно, невозможно провести чёткую разграничительную линию между двенадцатью и другими верующими.

II. Даже если бы можно было приписать Павла к двенадцати и составить из этих тринадцати учеников замкнутую категорию, остаются многочисленные факты, показывающие, что в самом апостольском служении не было ничего исключительного. Это легко доказать, обратившись к признакам, которые я указал.

Явление воскресшего Христа. Более пятисот братьев удостоились этой привилегии (1 Кор. XV, 6).

Чудотворная сила. Диаконы Филипп и Стефан творили чудеса (Деян. 6, 8; 7, 6–7). Эта сила, к тому же, является одним из общих харизмов (χαρίσματα — духовных даров) в Церкви.

Что касается привилегии передавать дары Святого Духа, то обычно выводят из Деян. 8, 14–17, что это было особым уделом Апостолов. Но помимо того, что такая система представляется несостоятельной в свете представления о харизмах в Послании к Коринфянам, есть факты, явно ей противоречащие. Я укажу, в частности, на возложение рук Ананией (Деян. 9, 17), которое передаёт Святого Духа Павлу, и на нисхождение Святого Духа на семью Корнилия (Деян. 10, 44–46), которое предстает перед нами как независимое от действия Апостола. Место Деян. 8, 14–17, впрочем, не требует обязательно того, чтобы

Филипп не мог основать общину и передать ей Святого Духа так же, как и Апостол. По крайней мере, таково мнение Неандера (История апостольского века, Т. I, стр. 51).

Догматическая власть. Среди множества фактов я приведу один наиболее яркий: это собрание, называемое Иерусалимским собором, описанное в Деян. 15. В Антиохийской церкви возник спор по вопросу, который был представлен как касающийся спасения (ст. 1). С одной стороны — Павел и Варнава; с другой — τινες ἀπὸ τῆς Ἰουδαίας (некоторые из Иудеи). Павел не апеллирует к своей догматической власти по праву своего звания Апостола. Он соглашается отправиться с некоторыми из этих иудеев в Иерусалим за консультацией.

В Иерусалиме кого же консультируют? ἀποστόλους καὶ πρεσβυτέρους (апостолов и старейшин). Если сравнить стихи 4 и 5 со стихами 22 и 23, мне кажется, что приходит идея, что собрание старейшин и Апостолов имело целью лишь подготовить предварительное заключение, которое затем будет представлено на утверждение всему собранию. В стихе 12 πᾶν τὸ πλῆθος (всё собрание) даже подтверждает предположение, что народ участвовал в обсуждении. Мы видим из Гал. 2, 9, что между Павлом и Апостолами были частные совещания. Но поскольку фарисеи противостояли, Апостолы созвали общее собрание или же привлекли старейшин как его представителей, не желая брать на себя ответственность за решение (Неандер, История апостольского века, Т. I, стр. 98–99).

Во всяком случае, ясно, что Апостолы не обладали монополией на догматическую власть, поскольку старейшины совещались вместе с ними. Церковь Иерусалима, по-видимому, была проконсультирована как содержащая в себе множество вдохновлённых людей и как носитель самой чистой традиции учения Иисуса Христа. Это, впрочем, связано с вопросом, поднятым в стихе 28 (ἔδοξε γὰρ τῷ ἁγίῳ πνεύματι καὶ ἡμῖν — «ибо угодно Святому Духу и нам»), который является одним из самых туманных, обсуждавшийся богословами. Я ни в коем случае не намерен касаться его.

Дисциплинарная власть. Власть Апостолов в дисциплинарных вопросах происходила от чудотворной силы и вдохновения в целом. Любой верующий, обладавший сверхъестественной силой, мог бы наказать Ананию и Сапфиру, как это сделал святой Пётр, или Елиму, как это сделал святой Павел (Деян. 13, 11). Этот последний Апостол упрекает Коринфскую церковь за то, что она не изгнала из своих рядов кровосмесителя. Следовательно, он признаёт, что дисциплинарная власть принадлежит собранию верующих. Он собирается сам исправить это упущение, поразив этого человека болезнью, в силу власти, полученной от Иисуса Христа, то есть, используя свою сверхъестественную силу (1 Кор. 5, 2–12).

Руководство Церковью. Власть Апостолов над Церковью не предстает с тем абсолютным и неоспоримым характером, который ей обычно приписывают.

Когда Пётр возвращается в Иерусалим после обращения семьи Корнилия, мы видим (Деян. 11, 1–2), что простые верующие οἱ ἐκ περιτομῆς (из обрезанных) требуют от него отчёта о поведении, не совпадающем с их представлениями. Пётр не апеллирует к своей власти; он излагает причины своих поступков (ст. 4–18). Третье послание Иоанна содержит ещё более яркий случай. В одной из Азиатских церквей был некий Диотреф — честолюбивый человек, который противостоял Иоанну и странствующим проповедникам (3 Ин. 9–10). Подобные случаи часто встречаются в истории Павла, но они объясняются особым характером его апостольского призвания, тогда как никто не мог оспаривать апостольскую миссию святого Иоанна. Однако тот лишь (3 Ин. 11) убеждает Гаия не подражать поведению Диотрефа. Он не апеллирует напрямую к своей апостольской власти, а лишь заявляет, что, если он придёт в эту церковь, он даст Диотрефу почувствовать всю тяжесть его проступков.

Я не сомневаюсь, что власть Апостолов над церквями в значительной степени объясняется их положением основателей — личным качеством, которое играет заметную роль в Посланиях к Коринфянам.

Учреждение служителей. Здесь нужно различать выбор служителей и дар Святого Духа, который затем мог быть им дан. Второй вопрос уже рассмотрен в разделе о чудотворной силе. Что касается первого, мы видим как минимум в двух местах Нового Завета (Деян. 6, 5; 2 Кор. 7, 19), что служители избирались самими церквями.

Совершение Таинств. Мы знаем, что диакон Филипп крестил (Деян. 8, 16, 38). Трудно допустить, что три тысячи человек, крещённых в день Пятидесятницы (Деян. 2, 41), были крещены исключительно Апостолами. Наконец, предание представляет нам крещение в первобытной Церкви как совершаемое всеми верующими.

Что касается Вечери Господней, я совершенно не вижу, на каком основании можно утверждать, что именно Апостолам была поручена обязанность её совершать. Я не нахожу по этому поводу ничего ни в установлении таинства, ни в рассказах в книге Деяний.

Эти различные соображения заслуживали бы более подробной разработки и углубления. Однако, я думаю, что сказал достаточно, чтобы показать: изучение поведения Апостолов приводит нас к тому же результату, что и изучение слов, обращённых к ним Иисусом Христом; а именно: апостольская функция не наделяла тех, кто ею обладал, особыми и исключительными полномочиями; Апостолы не были поставлены управлять Церковью и тем более не были учреждены как необходимые и единственные посредники истины и благодати между Богом и верующими.

Избрание и призвание Иисусом Христом вполне объясняется без необходимости прибегать к подобной гипотезе. Необходимо было, чтобы после его вознесения его учение было распространено. Необходимо было, чтобы его воскресение было засвидетельствовано не только публичным свидетельством, но и людьми, поставленными на видное место и дающими особые гарантии. С этой целью он избрал двенадцать из своих учеников. Он подготовил их своими наставлениями к принятию света Святого Духа и, после того как жил с ними в течение своего служения, нередко являлся им после того, как вышел из гроба.

Единственное качество, принадлежащее Апостолам в исключительном смысле, — это то, что они были: люди, избранные Иисусом Христом, чтобы принять его учение и стать особенными свидетелями его жизни и воскресения. Это качество проистекает из определённых обстоятельств, а не из определённых полномочий. По своей сути оно, очевидно, личное и непередаваемое.

Что касается полномочий, которыми обладали Апостолы, они происходили исключительно от их вдохновения (inspiration). Эти полномочия проявлялись не только у двенадцати, но и у всех, в ком являлась сила Святого Духа. Они могли быть переданы только в той мере, в какой само вдохновение могло быть передано. Когда Святой Дух, излитый на всех верующих, повсюду стал являть силу Спасителя; когда воскресение стало общеизвестным фактом; и наконец, когда написанные Евангелия стали своего рода «апостолами в печатном виде», — особая миссия двенадцати была исполнена. Их деятельность всё больше сливалась с деятельностью других работников, трудившихся над великим евангельским делом.

Привилегия лично знать Господа сохраняла за ними скорее почётное превосходство, нежели власть. Высокие дарования и высокая степень вдохновения ставили других миссионеров на один уровень с ними. Совершенно справедливо, что святой Павел был

назван величайшим из Апостолов, а Варнава сыграл более важную роль в евангелизации мира, чем некоторые из двенадцати, по крайней мере, насколько мы можем судить о событиях, известных нам крайне несовершенно.

§ 3. О передаче апостольской власти

Если принять идеи, изложенные мною выше, бесконечные споры о преемственности апостольской власти сами собой теряют смысл. Передача власти невозможна там, где нет передаваемой власти; но так как с другой стороны можно утверждать, что сама передача власти доказывает её существование[1], то я был бы готов отказаться от предыдущих рассуждений, если бы кто-либо доказал, что Апостолы назначили из среды христиан людей, которым они сказали: «Вы — наши преемники, управляйте Церковью вместо нас. Мы передаём вам всю власть, которую получили от нашего Учителя».

[1] Свидетельство Гегезиппа, сохранённое Евсевием (История Церкви, кн. III, гл. 32), показывает ту законную важность, которую в первые времена придавали подобным фактам.

Несколько Церквей отстаивают эту точку зрения. Их доводы, к которым я ещё вернусь, в общем, лишены научной поддержки. Поэтому пока я ограничусь разбором этой теории в том виде, в каком её изложил один учёный представитель реформатской Германии. Вот основные идеи доктора Роте в одной из частей его последнего труда Die Anfänge der Christlichen Kirche und ihrer Verfassung. Ein geschichtlicher Versuch von Richard Rothe. Виттенберг, 1857:

До 70 года н.э. между Церквями существовали лишь случайные связи; но в этот период, после разрушения Иерусалима, на почве которого были основаны христианские общины, они почувствовали необходимость объединиться, и Церковь была организована. Эта организация могла быть осуществлена только через одного из ещё живших тогда Апостолов, и этим Апостолом должен был быть Иоанн — самый влиятельный из оставшихся троих: Андрей, Иоанн и Филипп. Организация Церкви, имевшая своей целью её единство, осуществилась через учреждение епископов, поставленных во главе христианских общин так же, как до того были Апостолы.

Единство епископата стало одновременно и единством Церкви. Епископы стали органом этого единства — не случайно и не в силу обстоятельств, но по явной воле Апостолов. Таким образом, Апостолы довершили своё дело, назначив преемников, которым передали — не своё вдохновение, бывшее личным, — а свою административную власть в Церкви, которая подлежала передаче. Это, по мнению Роте, видно из посланий Игнатия: «Эти послания, — говорит Роте, — представляют епископа, с одной стороны, как истинного представителя общины, а с другой — как независимую власть, представителя и орган Бога и Христа; это показывает, что епископ рассматривался как Апостол, а епископат — как продолжение апостольства, — что, впрочем, всегда было господствующей идеей в древней Церкви.»

Передача апостольской власти, по Роте, — необходимое следствие организации Церкви, и эта организация была делом Апостолов. Вот основные аргументы, на которых он основывает свою теорию:

1. Древнее предание, сохранившееся в апокрифическом фрагменте, приписываемом Киприану, утверждает, что Павел, незадолго до своей смерти, встретившись с Петром, передал ему свою экклезиологическую доктрину на рассмотрение (De Rebaptismate. См. Baur, Über den Ursprung, стр. 41–42).

2. Евсевий сообщает, что после смерти Иакова и взятия Иерусалима Апостолы, ученики и родственники Спасителя, ещё жившие, собрались, чтобы назначить ему преемника, и избрали Симеона, двоюродного брата Иисуса Христа. Эта встреча, по-видимому, имела более общий характер, чем указывает Евсевий, — а именно: организацию Церкви и установление её законов. Было естественно начать с организации Иерусалимской Церкви, поставив епископа на место умершего Апостола (История Церкви, кн. III, гл. 11).

3. Фрагменты Иринея, открытые Пфаффом, говорят о δεύτεραι διατάξεις τῶν Ἀποστόλων ("вторичных установлениях Апостолов"). Эти вторичные установления, вероятно, обозначают организацию Церкви, в противоположность первичным, сохранённым в Деяниях.

4. В главе 44 Послания Климента к коринфянам читаем: «Наши Апостолы знали от Господа нашего Иисуса Христа, что честь епископства станет предметом споров; поэтому, обладая совершенным предвидением, они установили упомянутые чины (пресвитеров и диаконов); после чего они постановили, чтобы после их смерти на их место были назначены другие, испытанные люди, обладающие теми же обязанностями.» Этот отрывок показывает, что должность Апостола превратилась в должность епископа, поскольку Апостолы постановили, чтобы после их смерти были избраны преемники.

Доктор Роте также подкрепляет свою теорию, показывая трудности противоположных систем и анализируя устройство ебионитских общин. Эта епископальная организация, весьма сходная с устройством ессеев, выступает как еретический антитип католической Церкви, а потому доказывает её существование.

Таковы главные аргументы Роте. Все они более или менее гипотетичны. Гипотетичен, и даже притянут, акцент на значении разрушения Иерусалима. Гипотетичен и ничем не подтверждена роль, отводимая Апостолу Иоанну. Гипотетично разделение апостольской власти на личную и передаваемую части. Гипотетично, наконец, рассматривать послания Игнатия, которые являются главной основой утверждений Роте, как выражение общего мнения Церкви. Они могут отражать лишь частную тенденцию одного человека. И, наконец, гипотетична роль, приписываемая ебионитской Церкви в отношении Вселенской Церкви. Не имея возможности судить об этом компетентно, я скорее склонен принять мнение Бауэра, который считает устройство ебионитской Церкви не антитипом, а прообразом устройства, позже утвердившегося в христианстве.

Остаются четыре основных аргумента. Первый основан на апокрифическом фрагменте, причём он не имеет той значимости, которую придаёт ему Роте. Второй столь же слаб, ибо иное значение собрания в Иерусалиме можно предположить, только если уже принять систему Роте. Третьему аргументу можно придать нужный смысл, только уже соглашаясь с его системой, даже если признать подлинность фрагментов Иринея. Четвёртый — единственный сильный. Он был бы даже решающим, если бы признать авторитет Климента и если бы отрывок непременно требовал указанной мною интерпретации.

Вот сам текст: Καὶ οἱ ἀπόστολοι ἡμῶν ἔγνωσαν διὰ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὅτι ἔρις ἔσται ἐπὶ τοῦ ὀνόματος τῆς ἐπισκοπῆς· διὰ ταύτην οὖν τὴν αἰτίαν πρόγνωσιν εἰληφότες τελείαν, κατέστησαν τοὺς προειρημένους, καὶ μετὰ τοῦτο ἐπινομὴν δεδώκασιν, ὅπως ἐὰν κοιμηθῶσιν, διαδέξωνται ἕτεροι δεδοκιμασμένοι ἄνδρες τὴν λειτουργίαν αὐτῶν.

«И наши апостолы знали через Господа нашего Иисуса Христа, что будет спор относительно имени епископства; поэтому они, имея полное предвидение, по этой причине поставили упомянутых лиц и впоследствии установили порядок преемства, чтобы, когда они умрут, другие испытанные мужи могли принять их служение».

Роте относит глаголы κοιμηθῶσιν ("умрут") и αὐτῶν ("их") к ἀπόστολοι ("Апостолам"), но их вполне можно отнести и к τοὺς προειρημένους ("упомянутым"). Контекст гораздо больше говорит в пользу этого второго прочтения. Тогда идея апостольской преемственности исчезает. Смысл будет таков: Апостолы поставили πρεσβύτεροι (пресвитеров) и διάκονοι (диаконов) и позаботились о том, чтобы в Церкви они всегда были.

Особенность рассмотренных выше аргументов в том, что они не основываются на апостольских писаниях, а лишь на Отцах и предании. А Отцы заслуживают очень ограниченного доверия в вопросе о становлении Церкви Апостолами. Ведь, сами того не осознавая, они были под влиянием господствующих в их эпоху идей, проецировали эти идеи на апостольское дело, тем самым изменяли значение слов и представляли события в искажённом свете. Так, например, распространённое во времена Евсевия убеждение в божественном происхождении епископата заставляет его утверждать, что Иаков был поставлен епископом Иерусалима Самим Спасителем (История Церкви, кн. VII, гл. 19).

Слабость аргументов доктора Роте вместе с полным молчанием текстов Нового Завета сводят на нет систему передачи апостольской власти.

ГЛАВА II. О служителях религии в первобытной Церкви

Мы видим, что в истории христианских общин почти с самого их начала появляются специальные наименования, обозначающие верующих, облечённых особыми функциями. Сейчас мне предстоит рассмотреть, каков был характер этих функций.

§ 1. Первые служители

Апостолы с самого начала не учреждали должностей в Церкви[1]. Первое различие, которое установилось между членами общины, было вызвано обстоятельствами. Были избраны семь человек для занятия раздачей милостыни (Деян. 6, 2) — функции, связанной с вечерями любви (агапами), которая не соответствовала ни одной должности в Синагоге. Эти люди были избраны самой общиной (Деян. 6, 5) и были просто делегатами, которым поручались материальные обязанности. Апостолы возложили на них руки — как знак небесного благословения, которого они испрашивали для них. Возможно, этим они также увеличивали дары Святого Духа, которые эти люди уже получили. Вероятно, избрание их было продиктовано не столько спецификой их задач, сколько стремлением к распространению Евангелия, что было обязанностью всех верующих, и к чему некоторые из этих людей чувствовали особое призвание[2].

Эти семь человек не обозначаются никаким специальным названием. Их должность впоследствии стала основой для должности диаконов (διάκονοι). Однако слово диакон в книге Деяний не употребляется ни разу и лишь трижды встречается в Посланиях[3].

[1] Это мнение мне представляется предпочтительнее того, которое утверждает, что Церковь с самого начала была устроена по образцу Синагоги, что πρεσβύτεροι (пресвитеры) существовали ещё до того, как о них упоминается, и что νεώτεροι (букв. «молодые», Деян. 5, 6, 10) были διάκονοι. См. Мошейм, Ecclesiastica Historia, фр. пер., Ивердон, 1776, т. 1, стр. 541; Неандер, История апостольского века, т. 1, стр. 26 и далее. Оба автора придерживаются противоположных точек зрения.

[2] См. Неандер, История апостольского века, т. 1, стр. 40.

[3] Флп. 1:1; 1 Тим. 3:8,12. — Также упоминается женщина-диакон (диаконисса), Рим. 16:1. — Эти семеро упоминаются отдельно в Деян. 11:30; 14:23; 20:17; 21:18; Тит. 1:5; 1 Пет. 5:1–5. Их служение определяется такими словами, как ἐπισκοπεῖν («надзирать»), ποιμαίνειν («пасти») и др.

§ 2. Πρεσβύτεροι (пресвитеры)

Мы видели, что πρεσβύτεροι (старейшины) в синагогах составляли совет из нескольких членов, отвечающих за общее руководство собранием. Πρεσβύτεροι в Новом Завете выступают аналогичным образом: не как индивидуальные главы отдельных церквей, а как руководящий совет (Деян. 20:17; 21:18; 1 Тим. 5). Мы не видим, чтобы в ранний период какой-либо из них имел власть над другими. По-видимому, при их избрании, прежде всего, учитывались возраст и нравственные качества. Апостолы не имели преднамеренного замысла организовать христианскую Церковь по образцу синагоги; однако новое богослужение в Иудее сохраняло формы прежнего, от которого изначально не отделялось; а христианские общины из язычников заимствовали эти формы в той или иной степени.

Тем не менее, имеющихся у нас сведений об иудаизме недостаточно, чтобы мы могли составить точное представление о христианских πρεσβύτεροι. Нужно рассмотреть их роль как в книге Деяний, так и в Посланиях. Я считаю доказанным, что ἐπίσκοποι (епископы) Нового Завета — это те же лица, что и πρεσβύτεροι; что это два наименования одной и той же должности — одно еврейское, другое греческое. См. по этому поводу: Деян. 20:17,28; 1 Тим. 3:1,8; Флп. 1:1; Тит. 1:5–7; Неандер, История апостольского века, т. 1, стр. 120–121. Также: Послание Климента к Коринфянам, гл. 44, 47, 54, 57; Ириней Против ересей, III, 2,2–3,1; IV, 26,2–3–5; и Иероним к Титу 1, который пишет: «в прошлом пресвитер и епископ были одним и тем же».

§ 3. Организация Церкви в первую эпоху апостольского века

Послания первой эпохи, хотя все они написаны уже после того, как мы видим Павла и Варнаву, назначающих πρεσβύτεροι (пресвитеров) в некоторых церквях (Деян. 14), представляют собой удивительное явление, поскольку эти служители нигде в них не упоминаются и никакой роли не играют. При этом поводы для упоминания руководителей общин вполне были. Галаты отклонились от учения, которое Павел им преподал. Но Послание, адресованное им, ничего не говорит о руководителях этой церкви, хотя было бы вполне естественно ожидать, что Павел направит к ним строгие упрёки или специальные наставления.

У коринфян в общине находится человек, живущий в инцесте (1 Кор. 5). Изгнать его должна сама община. Никакого упоминания о её руководителях. Они также имеют несогласия и судебные тяжбы (6:1–6); но Павел требует, чтобы судьёй стал ἅγιος (святой), ἀδελφὸς (брат), а не πρεσβύτερος. Они профанируют Святую Вечерю (глава 11), говорят и пророчествуют без порядка на своих собраниях (глава 14:26–33); и это ко всему стаду, а не к неким руководителям, Павел обращается, чтобы прекратить беспорядок.

Послания Иоанна и так называемое Второе послание Петра, хотя и принадлежат значительно более позднему времени, дают аналогичные примеры (См. 1 Ин. 2:27; 3 Ин. 10; 2 Пет. 3:2). Можно было бы возразить, что наставления были обращены ко всей Церкви, но само собой разумелось, что руководители обязаны особенно к ним прислушаться. Это допущение было бы приемлемо, если бы речь шла об одном-двух Посланиях. Но когда у нас есть длинные и многочисленные послания, в которых ни разу не упоминаются руководители общин, даже там, где речь идёт о наведении порядка, — как не признать, что такие руководители либо вовсе отсутствовали, либо ничем не отличались от остальной массы верующих? Стоит открыть любое послание из более поздних времён, чтобы убедиться в правоте сказанного.

Предыдущие замечания придают особую значимость следующему факту, сам по себе он имеет небольшую ценность: все функции, которые естественным образом относятся к главам Церкви, в Новом Завете приписываются каждому верующему. Увещевание и назидание, обличение грешников, исповедание, молитва о прощении грехов, даже

отлучение от общины — всё это рассматривается как обязанности всей общины. Следовательно, мы вынуждены признать, что учреждение πρεσβύτεροι в эту первую эпоху Церкви было, вероятно, частичным и локальным, и в любом случае не имело решающего значения. Та черта, которую оно должно было провести между членами общины, совершенно теряется перед отличиями, возникающими в деле евангельского служения (1 Фес. 5:12; 1 Кор. 16:10–18) и в дарах Святого Духа, оживляющих и усиливающих природные способности каждого.

Это особенно ясно видно в 12-й главе Послания к Римлянам и в 12-й главе Первого послания к Коринфянам. Не вдаваясь в подробный разбор этих интересных отрывков, я ограничусь двумя фактами:

1. Все христиане представлены в них как находящиеся в совершенно равном положении перед Богом, и Божья благодать даруется им напрямую, без посредничества какого-либо человека (1 Кор. 12:11, 28 и далее).
2. Различия в функциях между членами Церкви происходят от разнообразных проявлений Святого Духа в каждом, а не от предустановленных различий, установленных через человеческое посредничество (Рим. 12:3, 6).

Также стоит отметить, что дар χαρίσμα κυβερνήσεις (управления), наиболее близкий к функции πρεσβύτεροι (пресвитера), отсутствует в первой перечне даров (1 Кор. 12:8–10), и появляется только во втором списке — и то на втором месте (стих 28).

Теперь мы можем составить общее представление о христианской Церкви в её первом развитии. Христос, как мы уже видели, сосредоточил в Себе всю священническую силу. Но поскольку Его действие в Церкви полностью отождествляется с действием Отца, Его посредничество как бы исчезает; и христианин, имеющий свободный доступ к Богу, сам оказывается наделён священническим достоинством (Рим. 12:1; 1 Пет. 2:9; Евр. 10:18–20). Так что справедливо будет сказать с одной стороны, что священство стало исключительной принадлежностью Христа, а с другой — что каждый христианин стал его носителем.

Это отождествление действия Христа с действием Отца даёт нам увидеть в непосредственном и непрерывном действии Бога на человечество, свободном от всякого человеческого посредничества, исполнение обетования, которое Христос дал Своей Церкви: быть с ней до конца веков. Это действие проявилось в день Пятидесятницы в собрании первых учеников — ярко и сверхъестественно. И оно продолжало проявляться в новых общинах по мере их образования. Все получали от Христа; никто не получал от другого человека, по крайней мере, в абсолютном смысле. Божественное действие, расширяя и оживляя природные способности каждого верующего, определяло его место в великом теле Церкви, которой управлял один Глава, и члены которой должны были передавать друг другу силу, полученную от Него. Не существовало внешнего различия, не было учеников, поставленных вести других к Господу. Дары Духа создавали непрерывную цепь между простым верующим, одушевлённым новой жизнью, и великим апостолом, восхищенным в третьи небеса, за пределы чувственного мира.

Явно видно по примеру Пятидесятницы и другим, что действие Святого Духа не было ограничено апостолами и их посланниками. С другой стороны, столь же очевидно, что христианство распространялось через проповедь, и что Божественное действие везде соединялось с человеческим. Этот антагонизм прямо касается природы Божественных постановлений и теряется в бездне бесконечного.

Смешение человеческого и Божественного элементов — нечто тёмное и таинственное, что может оттолкнуть определённый тип ума. Но немного размышлений достаточно, чтобы понять, что подобное отторжение — всего лишь предрассудок.

Все богослужебные функции были общими для всех верующих, без внешних различий. Исключение составлял лишь запрет женщинам (1 Кор. 14:34–35; 1 Тим. 2:12) говорить публично.

Таково было первоначальное устройство Церкви. Таков, по моему мнению, её идеал и наиболее совершенная форма — форма, которую ничто, теоретически, не мешает признать возможной даже при отсутствии чудесных даров. Но по самой своей совершенности она не могла долго сохраняться в человечестве. И потому последние послания апостольской эпохи дают нам понять, что уже начинают происходить существенные изменения в этом отношении.

§ 4. Организация Церкви во второй эпохе апостольского века

По мере удаления от Пятидесятницы излияние Святого Духа, которое было необходимо для основания Церкви, ослабевало, и человеческий элемент возрастал — хотя этот факт легко объясним, он не означает, что женщины не могли принимать участие в необыкновенных дарах Святого Духа. Кажется, что они могли выражать свои чувства в кругу семьи (Деяния 21, 9). Сложность по этому вопросу возникает из 1 Кор. 11, 5. Решение можно найти у Неандера, История апостольского века, том I, стр. 125. Кроме того, женщины имели в Церкви функции, не связанные с проповедью (Рим. 16, 1). Вероятно, вначале они совершали крещение. По крайней мере, на это указывают позднейшие постановления соборов, запрещающие им такую функцию.

Дух систематизации привел к весьма различным мнениям. Эрнест Грабе, профессор в Оксфорде, утверждает, что когда святой Павел писал к Римлянам, в Риме не существовало настоящей Церкви, потому что не было епископа. (Особенно это касается Посланий к Титу, к Тимофею и Первого послания Петра.) Божественное начало, с которым человеческое никогда не было разлучено, всё более сосуществует с последним.

Πρεσβύτεροι (presbyteroi, старейшины) начинают занимать важное место в общинах. Следует, прежде всего, заметить, что, чтобы правильно понять их служение, не нужно применять к ним то, что Павел говорит Титу и Тимофею. Эти верные, действительно, исполняют в Ефесе и на Крите необычные функции, весьма близкие к функциям апостолов (1 Тим. I, 3; Титу I, 5). Χάρισμα (charisma, дар) (1 Тим. 4, 14), который получил Тимофей, относится скорее к необыкновенным дарам Святого Духа, нежели к обычной помощи, обещанной пастырям. Об этом свидетельствуют слова διὰ προφητείας (dia prophēteias, через пророчество) и место во 2 Тим. 1, 6.

Что касается πρεσβύτεροι, то поскольку внутреннее призвание уже не проявлялось столь очевидно, их приходилось выбирать извне. Ослабление общего усердия стало причиной того, что им были поручены особые обязанности, которые изначально исполнялись всеми; что изначально раздельные функции были объединены, чтобы вручить их старейшинам; и что они стали рассматриваться как ответственные за души (Евр. 13, 17).

К безразличию присоединился и раскол, что потребовало миссий Тита и Тимофея (1 Тим. 1, 3–7; Титу 1, 10–16). Это, в свою очередь, должно было особенно привлечь внимание глав общин (Титу 1, 9) и вследствие этого усилить их влияние. Должность, по-видимому, уже тогда предоставляла значительные преимущества, раз она стала объектом человеческой амбиции у верующих (1 Петра 5, 1–5; 1 Тим. 3, 3; Титу 1, 7). Условия, которые Павел предъявляет к этим πρεσβύτεροι (1 Тим. 3, 1–7; Титу 1, 5–9), заключаются в том, чтобы они исполняли все явные и неявные обязанности христианской морали и могли создавать снаружи благоприятное впечатление о своей общине. Вероятно, они всё ещё составляли совет во главе каждой церкви, ответственный за духовное попечение о пастве (1 Петра 5, 2),

председательствовали на богослужебных собраниях, занимались особенно наставлением и проповедью (1 Тим. 5, 17; Титу 1, 9).

Нигде не говорится, что они обладали дисциплинарной властью или полномочиями по совершению таинств. Следует, кроме того, отметить, что их авторитет в учении представлен как происходящий от передачи истинного учения, а не от вдохновения (2 Тим. 2, 2); и что они должны были убеждать противников христианства не столько властью, сколько безупречным поведением (Титу 1, 9; 2, 7–8).

В итоге, апостолы оставили во главе церквей некоторых людей, призванных управлять ими. Эти люди предстают перед нами как члены общины, поставленные во главе с её свободного согласия и наделённые, ради её пользы, определёнными правами, естественным образом присущими всем верующим. Мы знаем лишь очень приблизительно природу и границы их полномочий; но достоверно одно: в них не было ничего исключительного.

§ 5. Об организации первохристианской Церкви в её связи с христианством в целом.

Не были ли служители первохристианской Церкви учреждены лишь на определённое время и по временным обстоятельствам, или же было волей Божьей, чтобы такие служители существовали в Церкви постоянно? Вот вопрос, который я должен теперь рассмотреть.

Приводят некоторые отрывки, из которых делают вывод, что церковное служение установлено по божественному установлению.

Еф. 4, 11: «Он Сам поставил одних — апостолами, других — пророками, иных — евангелистами, иных — пастырями и учителями».

1 Кор. XII, 28: «И Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолов, во-вторых, пророков, в-третьих, учителей, далее — тех, кто имеет дар чудотворений, потом — дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки».

Тринадцатая глава Послания к Римлянам уже сама по себе, строго говоря, могла бы опровергнуть аргумент, выводимый из этих отрывков; ведь мы там видим (стих 1), что и светские власти от Бога; и если утверждать, что служители религии, какими бы они ни были, поставлены Богом в том же смысле, в каком императоры Рима — никто с этим не станет спорить. Но, кроме того, если эти отрывки указывают на то, что в Церкви всегда должны быть пастыри и учители, то они столь же ясно говорят, что в ней должны всегда быть апостолы, пророки, люди, обладающие способностью творить чудеса, исцелять больных и т. д.

Говорят об «обычных» и «необычных» служителях. Я не знаю, откуда взято это разделение. Вижу только, что Павел (1 Кор. 8, 8) говорит, что пророчества и дар языков прекратятся; но то, что он утверждает как вечное, — это не пастыри и учители, а любовь (ἀγάπη). Толкование, которое дают приведённым отрывкам, ведёт неизбежно либо к доктрине ирвингитов, либо к взглядам сектантов из франкоязычной Швейцарии, которые возродили двенадцать апостолов и нового святого Петра, тщетно пытаясь ходить по водам. Кто не видит, что апостол Павел излагает не некий установленный порядок, а просто факт, и что его слова вполне естественно переводятся так: Святой Дух, по-разному изливаясь на верующих, сделал одних апостолами, других пророками, иных пастырями и учителями.

При отсутствии текстов прибегают к рассуждению: «Иисус Христос хотел Церковь, то есть внешнюю форму христианской жизни, как она уже представлялась с самого начала христианства, форму, необходимую для её распространения и сохранения. Мы имеем тому

доказательство в Матф. 16, 18. Следовательно, кто желает цели, тот желает и средства, а духовенство — это необходимое средство для устройства Церкви».

Этому рассуждению я противопоставлю другое, которое, как мне кажется, не уступает ему по силе: «Церковь (в том значении, которое это слово имеет в данном обсуждении) предполагает духовенство. Но Иисус Христос не установил духовенства, значит, Он не хотел учреждения Церкви».

Отбросив это рассуждение и два предыдущих отрывка, остаётся ещё признать: не придаёт ли уже сам факт учреждения церковного служения апостолами этому учреждению характер постоянства и божественности? Эта мысль подробно рассмотрена и опровергнута г-ном Бостом. Я не могу сделать ничего лучше, как отослать к его словам по этому поводу, ограничившись здесь лишь несколькими краткими размышлениями.

Во-первых, пример апостолов, в отличие от их учения, не имеет характера божественной обязательности; поэтому, чтобы этот пример был обязательным в рассматриваемом случае, необходимо, чтобы апостолы оставили приказание ему следовать. Такой приказ превратил бы факт в учение; но нигде он не найден.

Во-вторых, наши сведения о руководителях Церкви, поставленных апостолами, столь скудны, что невозможно на основании этих данных устроить организацию какой-либо общины. Эти два соображения возникли почти инстинктивно, как только в духовенстве стали видеть божественное учреждение. Они и породили каноны и «апостольские постановления», появление которых есть один из лучших аргументов в пользу моей точки зрения.

Наконец, ещё одним доказательством того, что организация апостольских церквей имела лишь временное значение, является то, что она была результатом обстоятельств. Апостолы, словно намеренно желая подчеркнуть эту истину, не заимствовали форм иудейского священства, а взяли формы синагоги — человеческого и случайного учреждения. Всё, что является плодом обстоятельств, должно меняться вместе с ними. Ясно, что одно и то же управление не может подойти и для Церкви, охватывающей целые народы, и для нескольких небольших собраний. Мне не кажется невозможным, что, сообразуясь с нуждами времени, апостолы, если бы жили дольше, установили бы епископат во времена Киприана, а позже — папство.

Итак, они дали Церкви лишь некоторые фактические учреждения, подходящие для того времени и тех обстоятельств; но они не оставили на земле ничего божественного и постоянного, кроме того, что оставил Сам Учитель: учение жизни, внешний знак принятия этого учения, обряд, предназначенный напоминать верующим основание их надежды, и, наконец, людей, полностью равных друг другу во всём, что касается религии.

Я приступаю теперь к рассмотрению того, как идея этого первоначального равенства постепенно исчезала, и каким образом в христианском мире сформировалось подлинное священство, претерпевшее затем различные изменения.

ЛАВА III. Происхождение и формирование идеи священства в христианстве.

Прежде чем приступить к этому вопросу, я должен сделать два предварительных замечания.

Первое — я не рассматриваю напрямую вопрос иерархии. Вопрос о природе духовенства, по-моему, может быть отделён от него без излишней тонкости. Действительно, власть духовенства, хотя и распределённая по разным степеням между несколькими лицами, всё же представляет собой нечто единое. Это единство, тесно связанное с понятием священства, осуществляется конкретным образом в общинах, которые имеют одного главу.

Моё второе замечание состоит в том, что ход развития идей должен был довольно заметно различаться в разных странах; однако, чтобы учесть эти различия, потребовались бы долгие исследования, которые я не мог задумать, и которые скорее послужили бы материалом для целого труда, чем для столь краткого очерка, как тот, что последует.

Первым документом, который нам предстоит рассмотреть, является Послание Климента к коринфянам. Коринфяне были охвачены разделениями, в результате которых они низложили некоторых верных руководителей своей Церкви (глава 47). Именно по этому поводу Климент обращается к ним. В главе 40 своего Послания он начинает последовательное рассуждение, которое продолжается на протяжении нескольких глав и суть которого такова:

«Бог установил для жертвоприношений и богослужений определённые времена и определённых лиц, ответственных за них. Он указал функции первосвященника, место священников, обязанности левитов. Мирянин связан мирскими установлениями (ὁ λαϊκὸς ἄνθρωπος τοῖς λαϊκοῖς προστάγμασιν δέδεται). Следовательно, каждый должен оставаться в пределах функции, которая ему назначена, ибо смертью наказывались те, кто осмеливался делать что-либо вне предписанного (глава 41). Когда двенадцать колен спорили о чести священства, Аарон был избран особым, чудесным образом, чтобы избежать смуты (глава 43). Так же и Апостолы, чтобы избежать распрей в Церкви, сами поставили епископов и диаконов, и позаботились, чтобы они продолжались (глава 44).»

Уже здесь мы видим появление в вопросе о природе служителей Церкви идей, чуждых апостольским писаниям. Наиболее заметный факт — это введение слова λαϊκὸς (мирянин) для обозначения простых членов паствы. Слово λῆρος, относящееся к тому же времени, обозначало церковных должностных лиц, рассматриваемых как особые обладатели Божьего наследия. Эти идеи были заимствованы из Ветхого Завета (Второзаконие 18:2). То же самое можно сказать и обо всех мыслях, составляющих рассуждение Климента. Установление πρεσβύτεροι (пресвитеров) и διάκονοι (диаконов) для него уже не аналогично установлению служителей синагоги, а подобно установлению священников. Их функции вверены им божественной властью, и гнев Господень готов воспламениться против тех, кто, будучи непосвящёнными, осмелился бы их исполнять — как против Корея, Дафана и Аверона.

Нетрудно понять всю значимость такого введения иудейских идей в новую Церковь. Оно представляется нам как первая из причин, которые способствовали формированию христианского священства. Впрочем, весьма вероятно, что Климент не придавал иудейским идеям той важности, которую они приобрели позднее. Церковные функции в то время были ещё слишком мало определены, чтобы он мог придавать им большое значение. Общий дух его Послания и, в особенности, та часть, которая следует за приведённым мною рассуждением, значительно смягчают категоричность его утверждений. Как бы то ни было, он открыл путь; другие вскоре прошли его до конца.

Догматические раздоры, в некоторой мере сдерживаемые при жизни Апостолов, разразились с силой после их смерти. Они испугали многих и значительно усилили авторитет духовенства — в эпоху, когда идея свободного исследования была далека от того, чтобы быть принятой, а тем более — понятой. Это влияние ярко проявляется в семи Посланиях Игнатия. Епископ Антиохийский глубоко обеспокоен ересями (к Филадельфийцам III, VII; к Траллийцам VII). Не в силах постичь Церковь без единства учения, он естественным образом приходит к тому, чтобы искать связь этого единства в главе общины. Он утверждает, что единство с епископом — это признак, по которому узнаются истинные верные: «Те, кто принадлежат Богу и Иисусу Христу, те с епископом» (к Филад. III). Вследствие этого духовенство становится душой и воплощением Церкви, которая существует, в некотором роде, только через него: «Где бы ни явился епископ, там и собрание; как где бы ни был Христос Иисус, там и кафолическая церковь» (к Смирн. VIII). «Без них (епископов и пресвитеров) Церковь не может быть названа» (там же).

Игнатий, кроме того, осыпает служителей религии наивысшими титулами. Он считает епископа представителем Бога и Иисуса Христа, а пресвитеров — представителями и преемниками Апостолов (к Тралл. II, III; к Филад. V; к Магнес. VI; к Смирн. VIII). Трудно определить, какие именно идеи он вкладывает в эти громкие выражения. Очевидно лишь, что он считает, будто духовные должностные лица установлены Богом и получают от Него свою власть: «Всё посылает хозяин дома в собственном порядке; так и мы должны принимать его, как самого Пославшего… Следовательно, на епископа надо взирать как на Самого Господа» (к Ефес. VI).

Вследствие этого он, как и Климент, приписывает им исключительные функции, в особенности — совершение крещения и Евхаристии (к Смирн. VIII). Но это для него вопрос второстепенный. Главное для него — это учение. Чтобы утвердить авторитет глав Церквей в этой области, он сравнивает их уже не с иудейскими священниками, а с Иисусом Христом, с Апостолами, с необычными посланниками Нового Завета. Вероятно, он видел источник догматического авторитета духовенства в передаче истинного учения, а не в некоем вдохновении. Однако, как только был принят принцип единства веры, путь от первого из этих взглядов ко второму оказался весьма скользким. Не прошло и века с тех пор, как Христос покинул землю, а католицизм уже весь был в зародыше в сочинениях ученика Апостолов.

В заключение, Послания Игнатия показывают нам, что наличие ересей, в сочетании с идеей единства, привело к смешению миссии должностных лиц, управлявших Церковью, с миссией вдохновенных людей, которые её основали.

Прежде чем идти дальше, я должен также указать на две общие причины, которые способствовали превращению служителей общин в священников. Их действие не проявилось в определённый момент; но, хотя и медленное, оно было, тем не менее, действенным.

Первая из этих причин — это всё возрастающее ослабление ревности (усердия) верных, из-за которого они уступали служителям Церкви часть своих обязанностей и, вследствие этого, часть своих прав. Весьма вероятно, что во времена Игнатия слово ἐπίσκοπος (епископ) обозначало главу лишь одной Церкви, а πρεσβύτεροι (пресвитеры) по-прежнему составляли его совет и помогали ему в функциях. Епископства в ту эпоху и ещё долгое время оставались лишь приходами. См. Кларксон, «Исторические трактаты о первоначальном состоянии епископата», перев. с англ., Роттердам, 1746.

Вторая причина — это политическое состояние мира. Гражданская свобода не существовала нигде, и очевидно, что умы, привыкшие к подчинению в одних сферах,

склонны к нему и в других. Влияние политической конституции на церковную нередко бывает весьма ощутимым. Эти два соображения слишком согласуются с естественным ходом вещей, чтобы нуждаться в подтверждении фактами.

Во втором веке соборы привели к формированию идеи Вселенской Церкви. Эти собрания также значительно усилили власть епископов, которые, рассматривая себя поначалу как делегатов народа, вскоре стали утверждать, согласно идеям Игнатия, что они получили от Иисуса Христа власть предписывать правила веры и нравственности. В то же самое время стали связывать с Таинством Евхаристии (Cène) суеверные представления и считать эту церемонию необходимой для спасения. Характер церемонии не мог измениться без одновременного изменения характера служителя, назначенного для её совершения.

Апологии не дают существенных сведений по интересующему меня вопросу. Написанные с целью обращения язычников, они не входят в детали внутренней организации Церкви. Но так называемые «Апостольские постановления» (Constitutions apostoliques), собранные, вероятно, в начале третьего века, предоставляют документы первостепенной важности — как по поводу господствующих мнений, так и тех, которые пытались — и успешно — внедрить в Церковь.

Их авторы отождествляют служение Нового Завета с иудейским священством, таким образом завершая теорию, начатую Климентом (II, 27; III, 10). Они даже обращаются к Ветхому Завету, чтобы найти там всех людей, удостоенных божественного поручения: Авеля, Сифа, Еноха, Ноя, Мелхиседека, Иова, Авраама, патриархов, Моисея, Аарона, Елеазара, Финееса, — и утверждают, что епископ является их преемником (II, 3; VIII, 5). В силу этой ассоциации идей епископ и пресвитеры, каждый по своей компетенции (III, 20), обладают исключительным правом совершать определённые функции, и эта власть передаётся им через возложение рук.

«Мы не позволяем мирянам узурпировать какую-либо священническую функцию, такую как жертвоприношение (θύσιαν), крещение, возложение рук, благословение — будь оно великое или малое. Ибо (Евр. 5:4): никто не принимает себе сам этой чести, но только тот, кто призван Богом. Это достоинство передаётся через возложение рук епископа. Кто не получил его, но присваивает себе — будет наказан как Озия» (III, 10).

Запретив абсолютно простым верующим совершение богослужебных действий, тем самым неизбежно возникла идея, что эти действия обладают особой эффективностью. Эта идея, в свою очередь, должна была усилить строгость исключения и укрепить принцип священства.

Примечание: проповедь не включается в число священнических функций. Напротив, в VIII, 32 сказано, что миряне имеют право говорить. У Евсевия (История Церкви, VI, 19) есть довольно любопытные факты, показывающие, что в то время в этом отношении царил переходный период.

Наряду с иудейским элементом, «Постановления» также содержат идею подмены Апостолов епископами, изложенную самым категорическим образом. Они мало касаются догматической власти, зато уделяют много внимания дисциплинарной. Несколько слов Христа, в этой цели, искажаются и применяются к епископам. В книге II, гл. 11 говорится: «Садись в Церкви как обладающий властью судить преступников; ибо вам, епископы, сказано: всё, что свяжете на земле... (Мф. 18:18)». А в молитве на посвящение епископа (VIII, 5) просят Бога излить на него Своего Духа, чтобы он имел власть отпускать грехи и рукополагать клириков, согласно власти, которую Ты дал Апостолам. В другом месте епископ уступает пресвитерам место Апостолов (II, 26, 28), чтобы самому стать богом на земле (ἐπιγεὶς θεὸς; II, 12, 26 и во многих других местах).

Наряду с утверждением, что епископы заменяют Апостолов, принимаются также ошибочные представления о служении последних, с которыми я ранее полемизировал. Так было и впоследствии. Это может частично объясняться самой редакцией сочинения. Ереси, например, рассматриваются главным образом в книге VI, а власть духовенства — в книге II. Догматическая власть, впрочем, всё ещё связывается с передачей учения (VI, 18), как это также у Тертуллиана: «Предписания» (Prescriptions), гл. XXI. На основании этих полномочий духовенство отнимает у Иисуса Христа Его качество единственного посредника. Через духовенство мы получаем Святого Духа, познаём Бога и становимся познанными Им (ἐγνώσθητε ἀπὸ θεοῦ — II, 32). Наконец, духовенство принимает настолько выраженный священнический характер, что приходится напоминать пастве, что ответственность за её поведение не ложится целиком на её духовных наставников (II, 19).

Наряду с вышеуказанными идеями, которые в определённой степени уже встречаются у Климента и Игнатия, «Постановления» содержат ещё одну причину формирования представлений о священстве. Речь идёт о пристрастии к аллегории и мистицизму, которое приводит к использованию пышных образов — образов, которые постепенно начинают восприниматься как реальность. Глава 26 книги II в этом отношении весьма заслуживает внимания, как и в других. Я бы перевёл и воспроизвёл её здесь, если бы не разные соображения, побуждающие меня максимально ограничить объём настоящего сочинения.

Примерно в то же время, когда составлялись «Постановления», мы находим в Африке человека, чьи многочисленные сочинения представляют собой ценные документы по истории Церкви третьего века. Эти документы особенно ценны тем, что в них нет гипербол и образов, которыми изобилуют «Постановления», как и личной заинтересованности, справедливо приписываемой их авторам.

Киприан ассоциирует христианское духовенство с иудейским священством более полно, чем это делалось до него. Так, например, он заключает из того, что левитам не давали земель под обработку, что священники должны быть свободны от всякой мирской деятельности. Он доводит эту мысль до того, что запрещает молиться в Церкви за некоего Виктора, потому что в своём завещании тот назначил опекуном священника Фауста (Письмо LXVI). Однако ветхозаветные идеи в его сочинениях выступают лишь как второстепенные поддерживающие элементы его теории о духовенстве. Эта теория основана на его представлении о единстве Церкви.

Идея единства учения существовала с самого начала христианства; соборы всё более развивали её, одновременно формируя идею единства в управлении. Киприан принял эти понятия, посвятил им специальное сочинение и развил их во всей своей переписке. Смещая христианское братство с единством доктрины, он делает союз первых верующих оружием против раскольников и утверждает, что разделение — это настолько тяжкий грех, что даже смерть не может его искупить: Inexpiabilis et gravis culpa discordiæ nec passione purgatur — «Неискупим и тяжёл грех раздора: он не очищается даже страданием».

Долгие споры, которые он вёл с новацианами и другими еретиками своего времени, усилили эти взгляды в его сознании. Все его сочинения представляют собой постоянную борьбу между чувством прав народа, побуждающим его ничего не делать без согласия верующих (sine consensu plebis — Письмо V), и строгими выводами из теории единства, которые вели к уничтожению прежних привилегий общин. Эти выводы я и должен рассмотреть.

Согласно словам Иисуса Христа (Ин. 10:16), должен быть одно стадо и один пастырь. Христос, единственный пастырь, продолжает Своё бытие в Церкви через епископат. Следовательно, епископат, хотя и разделён между несколькими лицами, по своей сущности — один: Episcopatus unus est, cujus a singulis in solidum pars tenetur — «Епископат — один, и

каждая его часть целиком принадлежит каждому [епископу]». С одной стороны, члены этого епископата являются представителями Церквей и как бы конкретным воплощением их единства. С другой, — они наследники Апостолов и обладают их полномочиями. Поэтому они заседают в Церкви как судьи вместо Христа: Neque enim aliundè hæreses obortæ sunt aut nata sunt schismata, quam inde quod sacerdoti Dei non obtemperatur, nec unus in Ecclesia ad tempus sacerdos et ad tempus judex vice Christi cogitatur (Письмо LV, с. 81) — «Ибо ереси и расколы не происходят откуда-либо ещё, как только оттого, что не повинуются священнику Божьему и не помышляют, что в Церкви на данный момент один священник и судья вместо Христа».

Они изгоняют из общины — с силой Бога и Христа — грешников и особенно еретиков, которые, впрочем, всегда стремятся быть объединены в одном лице. Эта дисциплинарная власть, осуществляемая по отношению к еретикам, обязательно предполагает авторитет в области догмата. Мне представляется, что Киприан выводит этот авторитет скорее из Предания, чем из постоянного вдохновения, проявляющегося в решениях епископата. Хотя его взгляды в этом отношении не вполне ясны, он, по крайней мере, утверждает вполне определённо, что члены духовенства обладают властью сообщать благодать через возложение рук.

Он сообщает нам (Письмо LXXV, с. 145), что на собрании епископов, которое состоялось во Фригии, и в котором он участвовал, было постановлено, что вся сила и вся благодать, необходимые для действия, заключены в Церкви, так что еретики не могут иметь в них участия. Возложение рук, в Церкви, почитаемой за обладание чудесными дарами, было иногда знаком ниспослания Святого Духа на верующих. Позднее оно стало лишь церемонией, указывающей на то, что о божественной милости молятся за этих людей. Но суеверие скоро связало с этим действием идеи сверхъестественного характера и приписало ему особую силу, opus operatum — действенность самого обряда. Я уже указывал на то влияние, которое приписывалось подобным церемониям, как на одну из причин возвращения в христианство идеи священства.

Недостаточно было того, чтобы епископов считали преемниками Апостолов; нужно было также понимать, каким образом они наделяются этим качеством и входят как части в единство епископата. Киприан утверждает, что это происходит через непрерывную хиротонию, восходящую ко времени Апостолов (ordinatione succedanea, Письмо LXXVI, с. 153). Эта хиротония должна совершаться несколькими епископами, представляющими весь епископат, и с согласия всего епископата (Письмо LII и другие).

Так как возложению рук приписывали божественную действенность, то следовало, что и хиротония обладала ценностью сама по себе. У нас есть замечательный пример последствий этой теории — в рукоположении Новата. Этот раскольник собрал трёх невежественных епископов из глухой части Италии, напоил их до опьянения, заставил возложить на себя руки и использовал этот факт как основание для притязания на епископство. Факты такого рода показывали недостаточность теории, изложенной Киприаном, поскольку епископ, посвящённый таким способом, должен считаться законным до тех пор, пока весь епископат не заявит, что отвергает деяние некоторых своих членов. Но Киприан был далёк от того, чтобы предусмотреть все следствия принципов, которые он защищал. Мы видим, что он часто указывает на согласие народа как на один из признаков подлинного епископа.

Письмо LV, адресованное Корнелию, в котором он защищает свои права против нападок Фелициссима и Фортуната, представляет яркий пример неопределённости его взглядов в этом вопросе. Он начинает с утверждения (с. 12), что надо быть лишённым рассудка, чтобы думать, будто кто-либо может стать епископом без воли Божией, ведь даже воробей не

падает на землю без Его ведома. Он понимает, к какой трудности это ведёт, ведь в таком случае все епископы были бы одинаково законны. Он формулирует эту трудность, затем, будто чтобы перевести дух, цитирует несколько мест из Ветхого Завета, которые не способны разрешить вопрос. Затем, подойдя к трудности впрямую, он утверждает, что невозможно не признать законным «епископа, избранного во время мира, при единогласном голосовании всего народа, на место умершего, единодушно принятым всеми своими коллегами, одобряемого всем народом в течение сорока лет епископства, призванного по имени как епископа, чтобы быть брошенным ко львам, и хранимого Богом во время гонений».

Подводя итог взглядам Киприана, мы видим, что он утверждает апостольскую преемственность как признак, отличающий законных главенствующих Церкви. Эти главенствующие — хранители религиозной истины, обладают дисциплинарной властью и через хиротонию получают благодать, которую затем передают верующим посредством внешних обрядов.

Эти представления ещё не составляли стройной системы, но уже содержали все её элементы. Время развило их. Последующая история Церкви, несмотря на ошибки и злоупотребления, которые она демонстрирует, представляет для нас предмет восхищения: развитие одного единого принципа, последовательно доведённого до крайних последствий с неумолимой логикой. Действительно, как только единство учения стало считаться необходимым, догматическая власть духовенства не могла более основываться только на апостольском Предании; она должна была стать абсолютной, как только начинали возникать разногласия по вопросам, в отношении которых Предание молчало. Не менее очевидно и то, что абстрактное единство епископата должно было в конечном итоге воплотиться конкретно — в одном человеке. Первоначально глава Церкви был законно установлен одним лишь согласием общины. Но когда его власть перестала исходить от паствы и стала происходить от Бога, чтобы распознать его миссию, требовался носитель полномочий от Божества, и весь епископат не мог долго исполнять эту функцию.

С Киприана идеи продолжили развиваться в том направлении, которое им было задано, вплоть до времени Константина. С того момента, как духовенство было послано в Церковь с божественным поручением, а избрание лишь указывало, кому предстоит получить хиротонию, согласие мирян на избрание своих духовных наставников стало лишь формальностью. Поэтому миряне постепенно были лишены права голоса, если вообще когда-либо обладали им в полной мере, чего я доказать не могу. Впрочем, ясно, что с того момента, как были признаны идеи, изложенные в начале моего труда, этот вопрос выходит за его рамки.

Когда христианство заняло трон вместе с этим государем (Константином), христианский священник не изменил своей природы, но был признан законом империи. Этот закон освободил духовных лиц от всех гражданских обязанностей и позволил сторонам в судебных тяжбах апеллировать к епископам, признавая законную силу их решений. Евсевий пишет, что Константин наделил духовенство такими полномочиями, «потому что счёл, что служителей Божиих следует предпочесть судьям века сего». В то же время, как он уступал Церкви некоторые гражданские функции, император претендовал и на определённые церковные полномочия. «Вы поставлены Богом епископами для внутреннего устроения Церкви, а я поставлен для её внешнего устроения», — сказал он епископам.

Здесь я ограничусь лишь тем, чтобы отметить этот контакт между божественной и светской властью. Вскоре мне предстоит рассмотреть последствия, которые из него естественно вытекали. На основании власти, которую он себе присвоил, Константин созвал знаменитый Никейский собор, который был воспринят как собрание, подобное апостольскому. Это была

первая всеобщая манифестация догматической власти духовенства, рассматриваемой как пребывающей в нём в абсолютной форме, в силу постоянного божественного вдохновения. Помимо этих прямых следствий, освобождение Церкви принесло ещё более важные плоды в отношении священства, позволив в полную силу проявиться одной причине, которую я упомяну здесь, хотя она и имеет весьма косвенное отношение к действиям Константина.

Христианское духовенство было поставлено в один ряд с иудейским священством; оно было наделено всей полнотой власти Апостолов. Но именно из недр язычества вышли те новые идеи, которые должны были возвысить его ещё больше. Языческие представления оказали влияние двумя путями: увеличивая пышность культа и вводя двойную мораль. Когда преследования прекратились, повсюду начали возводиться великолепные храмы, богато украшенные. Полагали, что язычникам будет легче принять религию, в которой обряды будут напоминать их прежние. Некоторые из этих обрядов были, соответственно, перенесены в христианство. Это влияние ощущалось задолго до Константина, поскольку уже во II веке покаяние сопровождалось обрядами, заимствованными из языческих мистерий. Но оно проявилось с беспрецедентной очевидностью, когда преследования прекратились, и народы массами стали входить в Церковь. Эти обращённые народы, находя в своём новом культе ещё большую пышность, чем в прежнем, начали формировать о христианских священниках более возвышенное представление, чем о своих прежних жрецах, особенно потому, что чувствовали превосходство христианства над своими прежними суевериями.

Это влияние язычества на формирование христианского священства было огромным. Чтобы представить его во всей полноте, следовало бы специально изучить религии Севера. Греческое и римское многобожие, вероятно, также оказали некоторое воздействие, но оно было меньшим по ряду причин, в частности потому, что вожди этих религий вели против христианства долгую и ожесточённую борьбу, не располагавшую христиан к заимствованию их обрядов. Я не претендую на то, чтобы развивать столь обширную тему. Постепенное установление различных таинств было лишь приложением той власти сообщать благодать, которую давно признавали за духовенством. Вследствие этого оно не представляет особого значения.

Обряды сосредоточились преимущественно вокруг святого Причастия. Во времена Константина алтарное пространство начали отделять, чтобы народ не мог к нему приближаться. Позже обряд стал приобретать всё более мистический характер, и, когда наконец на алтарь было ниспослано Само Тело Спасителя, христианский священник принял качество жреца — качество, присущее священству во всех религиях. Примечательно, что жрец и алтарь как бы предшествовали жертве. «Вот огонь и дрова, — сказал Исаак своему отцу, — но где же агнец для всесожжения?» — То же можно было сказать духовенству: «Я вижу священника и алтарь, но где же жертва для приношения?» В конце концов, он нашёл ответ.

Я сказал, что влияние языческих идей продолжало ощущаться, вводя в христианство идею двойной морали: одной — для простых людей, другой — для христиан-избранников. Платоники и пифагорейцы предписывали два правила жизни: одно — для мудреца, другое — для простых людей. Большинство древних религий содержали аналогичные предписания. Перенесённые в христианство, эти понятия породили сначала аскетов и монахов. Затем они были применены к духовенству, особенно в отношении целибата. Народ, привыкший видеть в аскетах людей, соблюдающих воздержание, особенно почитал священников, которые следовали этому примеру. Иероним сообщает нам, что уже в его время "не хотели больше видеть клириков, жёны которых, будучи беременны, носили на руках плачущих младенцев". Впрочем, во всех религиях распространено мнение, что священнические функции плохо сочетаются с состоянием брака.

Известно, что Никейский собор отказался узаконить обязательный целибат. Григорий VII добился того, чтобы он стал строгим законом, и тем самым окончательно провёл глубокую пропасть между священником и мирянином. Прежде чем говорить об общем деле этого понтифика, я должен указать на последнюю причину, окончательно оформившую священнические идеи. Этой причиной было исключительное обладание знанием и образованием, которым духовенство пользовалось на протяжении нескольких веков. Всеобщая неграмотность не позволяла народу обращаться к Священному Писанию, а потому допускала и формальный запрет на его чтение и лишала народ даже возможности уклониться от авторитета, который присваивали себе священники в вопросах доктрины.

При Григории VII верховенство римского понтифика над Церковью, давно уже подготовленное, окончательно укрепилось. Этот результат был необходим. Христианская Церковь была тогда управляемой одним из самых могущественных и организованных священств, которые знает история религий. Казалось, что священник достиг тогда наивысшей возможной степени власти. Однако Григорий VII пошёл ещё дальше, установив верховенство Церкви над светскими правителями, духовенства — над царями. «Я верую, — сказал он, обращаясь к святому Петру в акте отлучения Генриха IV, — я верую, что это твоя воля, чтобы христианский народ повиновался мне, и что по твоему милосердию Бог даровал мне власть, которую я имею от твоего имени, — власть связывать и разрешать на земле и на небе».

Церковь могла бы существовать и без связи с государством. Даже если бы духовенство действительно обладало божественной властью, которую оно себе приписывало, пример Иисуса Христа достаточно ясно показывал бы, что Бог не приходит на землю для того, чтобы управлять делами мира. Но как только Константин объединил светское и духовное начала, божественная власть должна была одерживать верх над князьями мира всякий раз, когда между ними возникала борьба, затрагивающая религию. Это мнение давно уже было высказано. Григорий воплотил его в реальность. Тем самым он лишь следовал самой строгой логике, самому неотложному долгу и заслуживал признательности христиан. Так считал человек, не подозреваемый в предвзятости в этом вопросе: «Всякий раз, когда священство подвергалось нападению со стороны власти, религиозные души сопровождали его своими молитвами. Тайный голос говорил им, что, если небо и земля разделены, то повиноваться следует небу. Интердикт приводил народы в ужас, анафема опустошала дворцы и лагеря. Одним словом, как говорят индейцы, Слово всегда значило больше в устах священника, чем меч в руке воина».

Временное всемогущество духовенства при Григории VII было единственным средством избавить народы от унизительного и постыдного рабства. Свобода тогда не входила в возможную альтернативу. В любом случае надо было повиноваться: либо правителю, которого случай поставил на трон, либо князю, которого понтифик посвятил как избранника Неба, — то есть либо грубой силе, либо Богу. Выбор был очевиден. «Если тирания во имя религии губительна, — говорит Бенжамен Констан, — то тирания во имя материальной силы губительна и унизительна».

Я постарался указать главные причины, которые ввели в христианство идею священства и развили теорию Римской Церкви, в которой эта идея получила своё полное развитие. Сейчас я собираюсь рассмотреть эту теорию саму по себе, а затем — те, которые ей были противопоставлены в других Церквях.

Примечание по Тертуллиану и Оригену: Я приведу здесь два замечательных фрагмента из Отцов Церкви, касающихся естественного тождества между священниками и мирянами. Первый — у Тертуллиана (Увещание к целомудрию, гл. VII): «Было бы заблуждением думать, что то, что не позволено священникам, позволено мирянам. Разве миряне не

являются также священниками? Ибо написано: "Он соделал нас царством и священством Богу и Отцу Своему". Различие между клиром и народом установлено церковной властью и почётом, данным через согласие духовного порядка и освящённым Богом. Но там, где нет согласия духовного чина, ты один и приносящий, и крещающий — священник. А где трое — там Церковь, пусть даже это миряне, ибо каждый живёт своей верой, и у Бога нет лицеприятия». Во второй версии текста, найденной в обычном издании Тертуллиана, имеется следующая разновидность:«Где есть согласие духовного порядка, там приносит и крестит священник, который там один».

Второй отрывок — из Оригена, Омелия на Числа, XVIII: «Может случиться, что человек придёт в город, где ещё нет христиан, начнёт учить, трудиться, наставлять, приводить к вере — и станет главой и епископом тех, кого он наставил».

ГЛАВА IV. Церковные теории различных христианских Церквей.

§ 1. Католическая система

Христос обещал всегда быть со Своей Церковью. Он исполняет Своё обещание; и верные, если они уже не могут созерцать Его в Его смертном теле, всегда могут соединиться с Ним и найти в этом союзе мир и счастье своей души. Этот союз может осуществляться только при определённых внешних условиях и в обществе верных, посредством служителей, которых Христос для этого установил. Эти условия сводятся к двум: Слово и Таинства. Служитель возвещает Слово Учителя с полной властью, потому что он получает учение от непогрешимой Церкви.

Эта непогрешимость пребывает либо в верховном понтифике, либо в собрании пастырей, установленных Богом: «Пока будут существовать споры, разделяющие верных, эти пастыри вмешаются своей властью и скажут вслед за Апостолами: „Угодно Святому Духу и нам“ (Деян. 15:28). И когда Церковь скажет через их посредство, детям её следует учить не пересматривать вновь те статьи, которые уже были решены, но смиренно принимать её решения».

Но одного Слова недостаточно для осуществления союза с Христом. Поэтому служители Церкви прибавляют к нему Таинства, через которые они преподают благодать, силой слов, которые они произносят, и внешнего действия, которое они совершают. Обладая Божественной властью и по повелению Спасителя, они уничтожают посредством крещения скверну первородного греха; они даруют в миропомазании и браке необходимые благодати для исполнения земного призвания; они делают верного участником Тела и Крови Спасителя в Евхаристии; они привлекают на виновных, в Таинстве покаяния, прощение невидимого Понтифика; и, наконец, христианин, ведомый, поддерживаемый, наставляемый ими, тот, кто всегда вверялся их руководству, получает из их рук на смертном одре залог вечного блаженства.

Всё это служение было поручено Христом Его Апостолам; те передали его своим преемникам, и оно будет передаваться так вовеки. Каждый раз, когда призывается новый служитель, некоторые из его предшественников возлагают на него руки, и таким образом сообщают ему дары Святого Духа, которые единственно дают ему право и власть совершать служение. Подобно тому, как Спаситель направлял Своих Апостолов, так и наместник Иисуса Христа занимает место главы Церкви, как узел единства, глава этого великого тела, высший руководитель, поддерживающий повсюду согласие.

Таким образом, духовенство представляется как канал, через который благодати Божии, необходимые для спасения, изливаются в Церковь. Через него Спаситель не только жил

восемнадцать веков назад, но, соединяясь во всём с действиями Своих служителей, остаётся всегда живым в Своей Церкви и являет в ней Своё присутствие в чувственных формах. Такова, вкратце, католическая система, изложенная, как я полагаю, с полной беспристрастностью. Если она и не заслуживает стать предметом нашей веры, то, по крайней мере, достойна нашего уважения и восхищения. Её изучение позволяет всё яснее видеть, что она логична, что она прекрасна, и, наконец, что основы, на которых она покоится, глубоко укоренены в человеческой природе.

Во-первых, она логична. С того момента, как признаётся духовенство, обладающее Божественным поручением, без того чтобы каждый его член был непосредственно призван Богом, становится очевидным, с одной стороны, что это духовенство, призванное быть единым, должно иметь главу, гарантирующую его единство; а с другой стороны, что оно должно быть наделено абсолютной властью в вопросах учения. Вот, собственно, и вся система. Я убеждён, что можно уверенно утверждать следующую дилемму: либо Иисус Христос не организовал никакой Церкви, либо Церковь, которую Он организовал, — это Церковь католическая.

Здесь уместно сделать одно замечание, касающееся споров между протестантами и римской Церковью. Спорить с этой Церковью о её догматах и культе — совершенно бесполезное занятие, потому что догматы и культ оправданы с того самого момента, когда признаётся её авторитет. Почва фундаментальных принципов — единственная, на которой может вестись плодотворная дискуссия; но многие протестанты боятся вступать на эту почву, потому что опасаются крайних последствий своей системы.

Если удаётся встать на эту почву, то между принципом авторитета и принципом свободного исследования начинается серьёзная борьба, и, по крайней мере, мы учимся не пытаться решать вопрос грубыми оскорблениями или насмешками дурного вкуса, которые могли быть простительны в эпоху нетерпимости, в разгар первых споров, но которые теперь могут лишь опозорить того, кто их произносит. Мы также признаём невозможность объединения между католической Церковью и свободными Церквами, потому что, несмотря на все возможные уступки, два противостоящих лагеря останутся в оппозиции с двумя несовместимыми принципами, так как они противоречат друг другу.

Католическая система была почти полностью воплощена в действительность — пусть и лишь на короткое время. Если бы она могла быть реализована абсолютно, то факты представили бы нам в высокой степени ту красоту, которую я назвал вторым отличительным признаком теории. Эта мысль выражена Мельхером (Mælher) в следующем отрывке. В ней можно увидеть тенденцию, аналогичную эстетическому курсу г-на Ад. Пикте: «Разве философы искусства не говорят нам, что красота — это истина, облечённая в тело? Так вот, это Сын Божий построил Церковь. Превратившись в бесконечную любовь, абсолютная истина воплотилась; она пребывает живая в обществе верных. Может ли такой общине не достичь красоты высшего порядка?»

Я сказал, наконец, что основания, на которых зиждется римская система, глубоко укоренены в человеческой природе. Пытаться объяснить формирование этой системы исключительно, по крайней мере, через обман и честолюбивые расчёты духовенства — значит оскорблять всё христианство и отвергать самые простые положения науки истории. Взять хотя бы частный пример: легко убедиться, либо по истории, либо с помощью рассуждений, что если в замыслах Григория VII действительно входило установление безбрачия священства и всевластия отлучения, он мог предпринять эти шаги только потому, что нашёл им санкцию и поддержку в общественном мнении. То же самое справедливо почти во всех остальных вопросах. Говорят, что духовенство сделало народы раболепными. В этом утверждении

может быть доля правды. Но следующее утверждение, несомненно, гораздо более верно: народы сделали духовенство могущественным.

Если пойти дальше и поискать происхождение этих народных мнений, которые духовенство (не отрицаю) использовало в своих интересах, но не создало, — можно увидеть, что их главные черты присутствуют почти во всех религиях. Несколько авторов посвятили долгие труды обоснованию этой идеи и, в частности, показали, что везде встречаются священство и жертвы. Христос пришёл удовлетворить этим требованиям человеческой природы. Тем не менее, Его жертва — всегда действенная, но единичная; Его постоянное, но невидимое присутствие — не удовлетворили народ. Люди хотели, чтобы жертва повторялась, чтобы Господь стал в некотором смысле видим через посредство Своих священников.

Формирование католицизма, если говорить в общем, было, таким образом (если позволено так выразиться), результатом вторжения человеческого элемента в божественный элемент откровения, что и исказило его. Мне кажется, впрочем, что достаточно заглянуть в самого себя, чтобы понять, насколько Римская Церковь, с благодатями, которыми она распоряжается, и своей божественной властью, находит опору в самых глубоких потребностях нашей души. Кто из нас не желал, иногда, посреди сухих и одновременно страстных споров, которые искажают религию Спасителя, будучи качаем волнами неопределённости и сомнений, найти тихую гавань в некой власти, способной сказать: Вот истина?

Кто не смотрел с завистью на трибунал покаяния? Кто не желал, в горечи раскаяния, в неуверенности в Божьем прощении, услышать голос, который с властью Христа сказал бы: Иди с миром, прощаются тебе грехи твои? Счастлив тот, кто никогда не чувствовал подобных движений души! Счастлива чистая душа, которая всегда сохраняет достаточно живое чувство присутствия своего Бога, достаточно полную веру в обетования своего Спасителя, чтобы никогда не испытывать потребности встретить на земле некий непогрешимый орган воли небес! Что до меня, не знаю, один ли я в этом мнении, но если бы я верил, что существует та сверхъестественная сила, которую Церковь себе приписывает, — та сила, «драгоценный и неиссякаемый источник примирений, восстановления, действенных покаяний, всего того, что Богу более всего угодно после невинности, стоящая рядом с колыбелью человека, которую она благословляет, и стоящая рядом с его смертным ложем, говоря ему среди самых трогательных увещаний и нежнейших прощаний: …уходи…»

— если бы я верил, что подобная сила существует на земле, то во многие моменты я с радостью положил бы к её ногам ту свободу исследования, которая временами представляется уму скорее бременем, чем привилегией. Но такие желания — это несправедливость по отношению к Божественному милосердию. Спокойный дух, свободный от сиюминутных впечатлений, находит в откровении и совести тот свет, который ему необходим, и благодарит Бога за благородное преимущество обращаться к Нему напрямую, без посредничества людей.

Из того, что Римская Церковь — учреждение, способное польстить некоторым склонностям нашей души, ещё не следует, что она является Церковью Божией. Если Христос не основал её и не даровал ей Своего Духа, Который один только может её оживотворить, то она будет лишь телом, прекрасно устроенным, но лишённым Божественного дыхания, необходимого для движения и жизни. Я не стану здесь вновь рассматривать дело Христа и Апостолов. Я не стану также приводить многочисленные факты, опровергающие притязания Церкви на непогрешимость. Ограничусь одной мыслью. Служитель Римской Церкви, если он верен своему мандату, воплощает идеал самоотвержения, который трудно даже себе представить. Но его задача, какими бы усилиями он ни стремился её исполнить, превышает его силы. Обладая божественной благодатью, облечённый властью даровать или

отказывать в прощении грешникам, он держит в своих руках средства спасения для верующих и становится, в некотором смысле, ответственным за их души. Эта ответственность угнетает и пугает его.

«Я так измучен и утомлён трудами, что те, кто рядом со мной, жалеют меня, глядя на моё состояние», — восклицает монах Гильдебранд, сидя на папском престоле (Bibliothèque Universelle de Genève, janvier 1858, p. 27).

«Меня удивляет, — говорит в свою очередь Златоуст, — что находятся такие люди, которые стремятся к столь тяжёлой обязанности, как епископство. Несчастный! Знаешь ли ты, к чему стремишься? Можешь ли ты ответить хотя бы за одну душу? Получив это достоинство, думаешь ли ты, сколькими душами рискуешь?» (Первая гомилия на Послание к Титу).

Один уважаемый приходской священник с юга Франции недавно сказал мне: «Исповедь — это настолько тяжкое бремя; я пребываю в такой жестокой неуверенности по отношению к тем, кому я могу законно даровать отпущение, что, выходя из исповедальни, я надолго остаюсь неподвижным и словно обездвиженным. Часто мне приходится искать соседа и отвлекаться его беседой, прежде чем я могу собраться с силами и приступить к еде».

Так, от папского престола до самого скромного приходского дома, священник, который понимает всю полноту своего служения, падает под тяжестью ноши, слишком тяжкой для него, потому что эта ноша — божественна, а он — всего лишь человек.

§ 2. Системы епископата.

Не имея документов о Греческой церкви, я ограничусь здесь рассмотрением церковной теории англикан. Я изложу её по проповеди, произнесённой в королевской капелле Сент-Джеймс 17 июня 1838 года, и изданной в тринадцатый раз к концу того же года. Тридцать девять статей не дают достаточно ясных представлений по этому предмету.

Арт. XXIII. Никому не дозволено самому себе брать служение публичной проповеди или служение Таинств в собрании, прежде чем он будет законно призван и послан на это. Те, кого надлежит считать законно призванными и посланными, — это те, кто избран и призван к этому делу людьми, которым в собрании дана публичная власть призывать и посылать служителей на виноградник Господень.

«Иисус Христос был послан, чтобы действовать как главный служитель Бога, а затем оставить Своё полномочие другим. Он оставил его двенадцати. Эти управляли Церковью как епископы, поставляя под собой пресвитеров и диаконов. Под конец они также передали своё собственное полномочие, чтобы по их смерти Церковь не осталась без глав. Новоназначенные главы, в свою очередь, избирали себе преемников; и так далее до наших дней. Нынешние епископы имеют то же право, какое имели Апостолы, — устанавливать служителей второго порядка и назначать тех, кто должен занять их место» (стр. 9). Во время реформации не разрушали Церковь, чтобы основать секту, но модифицировали Церковь. Те же епископы остались во главе того же учреждения. Это был Кранмер, законно рукоположённый архиепископ, который осуществил реформу.

Англичане в ту эпоху отвергли некоторые догматы, которые они признали неоткровенными, и одновременно стряхнули с себя несправедливую власть, которую епископ Рима хотел над ними установить (стр. 5–6). Таким образом, нынешняя англиканская Церковь — это подлинная и первичная католическая Церковь Англии, учреждённая для того, чтобы даровать прощение в ответ на покаяние и благодать во время нужды (стр. 12). Реформируясь, она не перестала быть той же самой. Человек не перестаёт быть тем же

самым потому, что, будучи прежде нечистым, стал чистым. Католики Римской церкви в Англии — это настоящие раскольники, поскольку они отделились от законной Церкви своей страны (стр. 7); но католики Франции и Италии принадлежат Церкви, которая, хотя и испорчена, всё же остаётся реальной и подлинной по своей генеалогии. Теория передачи апостольских полномочий весьма важна, ибо если служители Евангелия не посланы Христом, какое у них право действовать от Его имени? Никакого. Точно так же, как посол не может действовать от имени своего господина, если он не наделён верительными грамотами. Человек может быть красноречив, силён в Писании; но как он может говорить от имени Бога, если Сам Бог не дал ему этой власти? Что касается людей вне подлинных Церквей (то есть епископальных), они могут иметь участие в божественной благодати, так же как Иов, Валаам, Иофор и другие имели участие в этой благодати, хотя они находились вне Израиля».

Перед тем как представить некоторые соображения об этой системе, я не могу не заметить, что протестанты напрасно считают в своих рядах верных членов англиканской Церкви. Англиканская Церковь — это человек во всей своей чистоте; Римская Церковь — это нечистый человек; а протестантские Церкви — это даже не человек. Их члены могут быть спасены, действительно, но по благоволению, которое, в некотором смысле, является вне закона. Кажется, что без примеров Иова, Иофора и Валаама г-н Хук был бы в величайшем сомнении относительно этой благодати. Некоторые из его предшественников имели мужество продвинуться ещё дальше в принципе истинной Церкви и вывести из него окончательные следствия. Один англиканский священник, проповедуя в Лондоне в 1713 году в церкви на Темз-стрит, дошёл до того, что сказал: «Бог проклинает всех пресвитериан, нонконформистов и тех, кто из Женевской Церкви, потому что они не являются христианами и заслуживают быть уничтоженными». А Додвел пытался доказать, что душа по природе смертна и что она получает привилегию бессмертия только через крещение, совершаемое епископом или епископальным священником.

Однако было бы несправедливо приписывать англиканской Церкви странные идеи некоторых её членов. Перехожу к рассмотрению самой системы. Её основная теза — апостольская преемственность — покоится, по моему мнению, на ряде ошибок. Иисус имел абсолютное право на Церковь. Никто не станет это отрицать; но Он никогда не пользовался Своей властью, чтобы управлять Церковью, которая не была организована при Его жизни. Иисус оставил Своё полномочие Своим Апостолам. Нигде Он не указал Своим Апостолам, что посылает их для управления Церковью. Апостолы управляли Церковью как епископы. Думаю, я достаточно установил противоположное. Мне неизвестно, чтобы они распределили себе епархии (diocèses), чтобы там осуществлять свою епископскую власть.

Апостолы избрали себе преемников, которым передали свои полномочия. Апостолы не могли передать другим передаваемую власть, которой они сами не обладали. Эта передача предполагает безосновательно два различных разряда в однородном классе πρεσβύτεροι (пресвитеры) и ἐπίσκοποι (епископы). Англиканская система, таким образом, страдает уже в своём основании. Скажу, кроме того, что она непоследовательна, поскольку её принципы ведут к католицизму. О Церкви Англии говорят, что она всегда была одной и той же Церковью, до и после Реформации. Прекрасно. Но тождество учреждения в двух эпохах предполагает его существование в обеих. Существовала ли Церковь Англии до Генриха VIII? Кажется, некоторые англикане начинают в этом сомневаться и не боятся сделать из этого вывод. Мне говорят, что сейчас в Англии формируется, под влиянием некоторых докторов Оксфорда, своего рода новая Церковь, сделавшая несколько шагов навстречу католицизму. В парламенте поднимались жалобы по поводу этой тенденции.

Нет. В ту эпоху Англия входила в состав Католической Церкви; но не существовало Англиканской Церкви, потому что Католическая Церковь по своей природе одна и неделима.

Продолжим. Кранмер был тем, кто осуществил реформу. С какого права? Имел ли первый встречный миссию реформировать Церковь? Нет, говорят англикане; но Кранмер был законно рукоположён в архиепископы. От кого же он получил власть, которую дал ему этот законный чин? От епископа или архиепископа, который его рукоположил? Никто, полагаю, не станет утверждать эту тезу. Ни в одной системе епископ не имеет права в одиночку рукополагать другого епископа. Кранмер получил свою власть от Церкви, в которой он был рукоположён, и единство которой осуществлялось не в епископе Рима, а в преемнике святого Петра, в наместнике Иисуса Христа. Получив свою власть от этой Церкви, он её терял с того момента, как отделялся от неё, и у него не было больше права проводить реформу, чем у последнего мирянина его епархии.

Но, говорят, реформа была проведена на основании авторитета откровения. Здесь все пороки системы становятся очевидны. Как только авторитет откровения противопоставляется Церкви, на каком основании англикане правы, а пресвитериане и нонконформисты — нет? Римская Церковь, подлинная Церковь, ошиблась; стало быть, и Англиканская Церковь может ошибаться. Она не обладает в себе истиной. А если она не обладает истиной, как она может с авторитетом утверждать свою церковную систему? Как она может утверждать, что обладает благодатью, чтобы даровать её во время нужды? Кто эти служители, посланные Иисусом Христом? Что это за власть, которую они держат от Бога — власть, независимая от знания Писания? Церковь, не обладающая в себе истиной, не может иметь в себе благодать. В такой Церкви кто же преемники Апостолов? Люди, получившие возложение рук от других людей, которые, в свою очередь, получили его от других… которые получили его от Апостолов. Что же это возложение рук само по себе? Церемония, эффективность которой ничем не гарантирована.

Эти следствия столь очевидны, что англиканская Церковь почувствовала необходимость создать для себя догматическое правило. Отсюда — тридцать девять статей. В Церкви, которая выдает себя за божественную, этот свод положений необходимо предстает как обладающий авторитетом. Но поскольку, с другой стороны, сам факт происхождения этой Церкви мешает ей претендовать на непогрешимость, формуляр заявляет (статья VI), что Священное Писание есть единственное правило веры для христианина.

Перед лицом таких фактов защитник католицизма всегда будет торжествовать и сможет воскликнуть: «Церковь провозглашает догмат — и провозглашает, что не имеет права его провозглашать. Надеюсь, что в бесконечном каталоге человеческих безумств это займет всегда одно из первых мест». (Du Pape, второе издание, том II, стр. 256)

§ 3. Третья система — протестантские.

Провозглашая принцип свободного исследования Писаний, реформаторы провозгласили принцип, который до тех пор никогда не был полностью признан в Церкви. Они сами были далеки от того, чтобы понять и принять все его последствия. В первые времена канон Писания ещё не был сформирован, и учение передавалось с авторитетом вдохновенными учителями. В последующую эпоху необходимо было, по самой необходимости, возлагать доверие на непосредственных учеников Апостолов, затем на их учеников, и, наконец, на апостольские Церкви. Так родился авторитет Предания. Именно через него, больше чем через Священное Писание, боролись с еретиками; по крайней мере, такова была методика Тертуллиана. Он старается доказать в своих Предписаниях (Prescript.), что еретики не имеют права вести дискуссии о Писании: «Мы прежде всего преграждаем этот путь: их нельзя допускать к каким-либо обсуждениям Писаний» (Prescriptio, XV).

Далее он добавляет: «Кроме того, поскольку столкновение Писаний не приносит никакой пользы, кроме как полного расстройства желудка или мозга» (XVI).

И, наконец, он заключает, что Священное Писание, которое может быть извращено и таким образом давать оружие как еретику, так и защитнику веры (XVIII), не должно быть конечной инстанцией, но следует обращаться к апостольским Церквям (XXI, XXXII), которые обладают подлинными Писаниями, подлинными толкованиями, подлинным Преданием. Он признаёт, что истинное учение показывает, где находится подлинное Писание, а не наоборот: «Ибо там, где явно присутствует истина, дисциплина и христианская вера, там будет и истина Писаний» (XIX).

Эта методика аргументации, очень мало протестантская, по-видимому, была повсеместна в древней Церкви. Она была до определённой степени законной. Ошибка возникла из-за того, что вместо того чтобы постепенно отказаться от Предания, которое постоянно теряло свою ценность по самой природе течения времени, его превратили в непогрешимость.

Эти последствия столь очевидны, что англиканская Церковь почувствовала необходимость создать для себя догматическое правило. Так появились 39 статей. В Церкви, которая заявляет, что она божественна, этот формуляр неизбежно представляется как обладающий авторитетом. Но поскольку само происхождение Церкви мешает ей претендовать на непогрешимость, формуляр заявляет (статья VI), что Священное Писание — единственное правило веры для христианина.

Перед лицом таких фактов защитник католицизма всегда будет торжествовать и может воскликнуть: «Церковь утверждает догмат — и утверждает, что не имеет права его утверждать. Я надеюсь, что в бесконечном каталоге человеческих нелепостей эта займёт одно из первых мест!» (Du Pape, второе издание, том II, стр. 256).

Обратиться к Священному Писанию, оставленному на произвол толкования каждого, как к единственному правилу веры — значило полностью уничтожить идею божественного установления духовенства, это означало совершить подлинную революцию, поставив всех верующих на совершенно равное основание. Но формального признания личности, по выражению г-на Вине (Vinet), не произошло в XVI веке. Это происходило главным образом оттого, что церковная организация почти слилась с гражданской, и что именно правительства основали Церкви.

Я не хочу углубляться в серьёзные и многочисленные вопросы, которые поднимает этот предмет. Я лишь намерен рассмотреть в общем, идеи, которые высказывали о природе духовенства первые реформаторы — идеи, которые и поныне являются официальным мнением большинства наших Церквей. Они не образуют собственно системы, а представляют собой скорее несколько неясных обломков католицизма, борющихся с необходимыми последствиями принципа свободы. Эти идеи выражаются в сочинениях различных реформаторов с довольно ощутимыми оттенками. С XVI века они значительно изменились и разнообразились. Я сожалею, что не располагаю временем, чтобы войти в подробности, которые были бы далеко не лишены интереса.

Лютер, сначала последовательный в своих принципах, учил в своём сочинении к братьям Богемии, что всякий христианин имеет священнический характер, но что ради порядка необходимо передать немногим права всех. Вскоре беспорядки, вызванные анабаптистами, заставили изменить взгляды на этот счёт. Меланхтон представил учреждение служения уже не только как средство обеспечения порядка, но как святое и священное учреждение: «Необходимо, — говорит он, — чтобы верующие знали, что Бог желает даровать Святого Духа через проповедь и чтение Писания, чтобы никто, по примеру анабаптистов, не искал

откровений вне служения». Этот отрывок, очевидно, содержит зачатки священнических представлений. Божественное установление духовенства также утверждается у Кальвина: «Святой Павел не был поставлен людьми. В этом он подобен всем верным служителям, ибо никто не может исполнять святое служение Слова, если не призван Богом».

Г-н Дю Мулен (Du Moulin) считает, что каждому верующему необходимо, для спасения, знать, что пастырское служение учреждено Иисусом Христом. В Аугсбургском исповедании была вставлена статья XIV: «Об устройстве Церкви учат, что никто не должен публично учить в Церкви, если он не был надлежащим образом призван».

В Швейцарском исповедании веры читаем: «Следует рассматривать служителей не просто как служителей Церкви, но как служителей Самого Бога, и как средства, которыми Бог пользуется, чтобы совершать спасение людей» (глава XVIII, §1). В наши дни ту же самую тезу с жаром защищал пастор Боти (Bauty): «Некоторые из моих уважаемых коллег, — говорит он, — показали на основании Писаний, и, по моему мнению, доказали, что служение учреждено Богом. Я верю в моё рукоположение!»

Наконец, реформаторы часто применяют к служителям слова, адресованные Апостолам, Титу или Тимофею. Поскольку миссия духовенства считается божественной, остаётся выяснить, каким образом эта миссия передаётся. Взгляды реформаторов на этот счёт не слишком ясны. Однако можно признать, что они считают, будто рукоположение даёт особые дары, которые предоставляют право и силу исполнять служение. «То, что рукоположение священников включается в число таинств — мне очень нравится», — говорит Меланхтон.

У Кальвина читаем: «Возложение рук, совершаемое для введения истинных священников в должность, не напрасно, но является знаком духовной благодати Божьей. То, что я не включил его в число таинств — это потому, что оно не является общим между верными, а предназначено только для исполнения особой должности».

Наконец, г-н Дю Мулен утверждает: «Что через избрание пастор не поставляется в должность, а только предназначается; и что именно рукоположение даёт силу возвещать Слово и совершать Таинства, как видно из Деян. 6 — в избрании диаконов».

Божественная миссия предполагает непременно власть. Та власть, которую приписывает себе протестантское духовенство, подобно католическому, относится к двум направлениям, которые я уже обозначил: проповедь и Таинства. Кальвин представляет служителей как наставников и учителей, которые помогают и направляют верующих в чтении Священного Писания, и которых следует слушать с послушанием. Синоды и навязанные исповедания веры были ничем иным как ярким проявлением принципа авторитета духовенства в вопросах доктрины. Трудно не признать этот принцип, косвенно содержащийся в утверждении некоторых вальденских пасторов, наших современников, что Церковь — это школа.

Что касается Таинств, то их совершение поручено служителям как вверенное им по божественному повелению. Такова разновидность церковной теории, установленная, с некоторыми различиями, реформаторами XVI века. Эта теория, как и теория англикан, содержит в себе следствия, которые закономерно ведут к католицизму; это можно показать как в отношении полномочий духовенства, так и в отношении способа их передачи.

(Я не буду здесь останавливаться на замечании, насколько странным было бы, не говоря уже более резко, что Церковь, в которой существует духовенство с божественной миссией, находилась бы в подчинении у гражданской власти.)

Что касается власти, я показал выше, что обладание благодатью возможно только при наличии догматического авторитета. Этим авторитетом реформатские служители наделили себя — или, по меньшей мере, действовали так, как будто были им наделены. Были составлены вероучительные статьи; начались преследования тех, кто отказывался их подписывать. Римская церковь уже дала соблазн насилия в религиозных вопросах и несправедливого притязания на господство над совестью. К соблазну насилия и несправедливости протестанты прибавили соблазн вопиющей непоследовательности. Нет нужды распространяться на эту тему. Сегодня уже нет в реформатских церквах просвещённых и беспристрастных людей, которые бы не признавали, что, если бы они допустили существование какого-либо догматического авторитета вне откровения, им следовало бы присоединиться к католической церкви.

Во-вторых, я утверждаю, что взгляды реформаторов на способ дарования власти духовенству также ведут обратно к католицизму. Действительно, если не выбор общины (troupeau) вручает пастору его власть, то как она ему передаётся? Через посвящение (consécration), которое является священнодействием (sacre). А кем совершается это посвящение? Пасторами церкви. А эти пасторы — кем были посвящены? Другими пасторами. А первые реформатские пасторы — кем были посвящены? Вот здесь и возникает затруднение. Единственный способ его разрешить — тот, которым пользуется г-н Дю Мулен (Du Moulin). Он старается установить преемственность реформатских пасторов либо от вальденсов и альбигойцев, либо от римских священников, и приводит различные доводы, чтобы доказать, что служитель, посвящённый в римской церкви, остаётся легитимно посвящённым, даже если он переходит в другую церковь. Таким образом, мы вновь приходим к апостольской преемственности — и отсюда к католицизму, как я думаю, уже доказал. Так и Кальвин, не отвергая полностью идею преемственности, не мог признать законность (vocation légitime) римских священников и заявлял, что преемственность ничто там, где отсутствует истинная вера.

Таким образом, именно учение (la doctrine), в конечном счёте, определяет законность пасторов. Но какова норма церковного учения? Исповедания веры. А кто составляет исповедания веры? Пасторы. Учение судит пасторов, а пасторы судят учение.

Или католицизм, или явный логический круг — вот дилемма, в которую упирается всякая протестантская система, устанавливающая человеческий авторитет в Церкви в вопросах учения. Римская система настолько логична и внутренне цельна, что либо её нужно принять целиком, либо не принимать вовсе. Протестанты будут побеждены на уровне принципов всякий раз, когда они не станут без оговорок признавать свободу во всей её полноте. Недостаточно, на самом деле, просто принять принцип и заявить: «Я извлекаю из него выводы только до этого места». Логика по своей природе безлична и неизменна, её невозможно — так сказать — приватизировать в пользу отдельного человека. Тот, кто выдвигает систему, должен, если не хочет от неё отказаться, принимать не только все те следствия, которые он сам из неё выводит, но и все те, которые из неё может извлечь разум. Я говорю здесь только о тех идеях, которые может охватить наш ум в их полном объёме, — они одни поддаются систематизации.

Я чувствую необходимость сказать здесь, что если я указал на непоследовательности и пробелы, которые, как мне кажется, присутствуют в деле реформаторов, то эти замечания никоим образом не уменьшают во мне того уважения, которое каждый реформат должен питать к этим великим людям, чьи выдающиеся способности я восхищённо признаю и чьей глубокой вере и непоколебимой отваге завидую. Было бы вопиюще несправедливо и неразумно присоединиться к обвиняющим голосам, которые в наш век поднимаются против них с разных сторон. Действительно, легко понять, что эти великие умы не могли полностью освободиться от идей и предрассудков своей эпохи. Их взгляд на духовенство легко

объясняется распространённой в то время потребностью в авторитете и в единой по устройству Церкви. Принцип свободного исследования (libre examen) был задавлен почти при рождении. Но непредвзятый ум возложит вину за это на обстоятельства и силу привычки, а не на осознанную волю отдельных людей.

Я не останавливаюсь здесь на различных сектах, упразднивших духовенство, ни на дисциплинированных диссидентских церквах. Все эти формы христианской жизни законны, но они не должны претендовать на исключительность.

ГЛАВА V. Результаты и заключение.

«Я буду с вами до скончания веков», — сказал Христос, покидая нашу землю. Наслаждаться этим духовным присутствием, соединяться со Спасителем — вот цель, которую должен ставить себе каждый верующий.

Чувство единения со Спасителем неотделимо от чувства единства всех верующих, которые одинаково надеются на Него. Эта невидимая связь объединяет христиан в общей любви и заставляет их усилия стремиться к одной цели. Их объединение составляет духовную, невидимую Церковь, единственную, которая действительно является Церковью Иисуса Христа. В этом обширном сообществе все верующие поставлены в одинаковое отношение к единому Главе. Все они в равной мере обладают учением жизни. Все в равной мере могут обращаться к общему Отцу. Благодать не связана с определёнными людьми или с определёнными действиями. Христианство, следовательно, можно теоретически представить освобождённым от всякой церковной формы.

Эта теория не имеет возможности осуществиться в действительности, но важна своими последствиями. Из неё действительно вытекает, что когда члены сообщества будут облечены определёнными функциями и наделены определённой властью, это может произойти только с добровольного согласия верующих, которые уступят им часть своих прав, одновременно переложив на них часть своих обязанностей. Назначенные таким образом служители будут поставлены на служение самим фактом их избрания. Следовательно, каждый верующий по своей природе способен исполнять функции культа, как только он будет на то избран. Разделение, установленное между духовенством и мирянами, есть разделение сугубо человеческое; и христиане, которые, находясь вдали от всякой церкви своей конфессии, считают себя по необходимости лишёнными участия в Вечере, поскольку среди них нет священнослужителя, подчиняются лишь предрассудку.

Такой взгляд на учреждение духовенства прямо противоположен экклесиологической теории Римской Церкви. В этой теории установление духовенства является частью Божественного дела. В той же теории, которую, по-моему, свободные Церкви неизбежно должны принять, оно — дело целиком человеческое. Более того, оно необходимо только из-за несовершенств нашей природы. Я думаю, что это легко доказать.

Представим на мгновение сообщество, полностью состоящее из христиан, то есть не из совершенных существ, а из людей, исполненных искренней веры и живого благочестия. В таком сообществе каждый будет считать своим долгом трудиться над назиданием своих братьев. Каждый отец семейства будет наставлять и увещевать своих детей. Друг с радостью предложит своему несчастному другу утешения веры, увещание, если тот споткнётся, возвращение, если тот собьётся с пути. Религия будет повсюду, она будет проникать во все отношения жизни. Культ, будучи лишь выражением чувств каждого, не будет нуждаться в поддержке красноречия. В таком сообществе духовенство будет совершенно излишне.

Не наступит ли необходимость его учреждения именно тогда, когда вера угаснет у многих, когда равнодушие охватит большинство, когда каждый будет придавать слишком мало значения собственному освящению, чтобы заботиться об освящении ближнего как о чём-то, его касающемся? Только тогда нужно будет, чтобы назначенные люди время от времени произносили перед так называемыми верующими несколько христианских слов, предлагали больным утешения веры, присутствовали в последний час умирающих. Только тогда понадобится, чтобы назначенные люди упражнялись в искусстве слова, чтобы суметь возбудить какие-нибудь движения благочестия в глубине холодных и равнодушных душ, чтобы поддерживать культ, скорее гражданский, чем христианский, в котором почти не останется следов тех чувств любви и общего поклонения, которые всегда должны быть целью собраний верующих.

Если это так, разве не очевидно, что только человеческие несовершенства вызывают необходимость учреждения духовенства? Изучение истории приводит к тому же выводу, поскольку разделения и равнодушие были первыми причинами, которые вынудили отделить от стада пастырей, призванных его вести. Это разделение — необходимое средство от зла. Но, как это почти всегда бывает в подобных случаях, оно само оказывает вредное влияние: вредное как для мирян, так и для самого духовенства.

Присутствие священнослужителей склонно вводить членов стада в заблуждение, заставляя их всё больше забывать, что нет ни одной функции служения, к которой первоначально не были бы призваны верующие. Если они полностью откажутся от той доли участия в культе и в управлении Церковью, на которую могли бы претендовать, это, конечно, лишь малое зло. Но великое зло заключается в том, что иногда они, по-видимому, отказываются заодно и от христианской морали и практики, уступая их духовенству. «Пусть служители занимаются небесным: это их дело», — слышим мы от торговцев, юристов, государственных деятелей.

И слишком очевидно, в более чем одном случае, что эта фраза в их умах является противоположностью другой: «А мы займёмся земными делами: это уже наше дело». — «Этот человек ведёт себя добродетельно. Вполне естественно, говорят, он же служитель». — «Тот другой — распутник, развратник. Это тоже понятно — он молодой человек, военный». — «А этот — жаден до денег. Что может быть естественнее — он купец». И так продолжается и возобновляется идея двойной морали — самой анти-евангельской идеи, когда-либо появлявшейся в Церкви. Кажется действительно, что определённые профессии будто бы дают их носителям право грешить безнаказанно, и что мораль Евангелия годится только для тех, кто её проповедует. Скажут, что я преувеличиваю. Это возможно. Однако я думаю, что внимательное исследование может выявить у многих людей идеи, подобные тем, на которые я здесь указываю, и которые, к несчастью, не являются пустым плодом моего воображения.

Существование духовенства оказывает также вредное влияние на самих членов этого сословия. Религиозные идеи, действительно, предназначены для того, чтобы проникать во все мысли человека и, так сказать, пропитывать все действия его жизни. Но противоестественно, чтобы они изолировались от всех обычных занятий и сами по себе становились единственным объектом его размышлений. Служитель Евангелия, вследствие этого, оказывается в ложном положении, между двумя крайностями. С одной стороны, он вынужден вновь и вновь возвращаться в уме к божественным учениям и исполнять богослужебные функции в определённые моменты, независимо от состояния своей души, — он рискует притупить чувствительность, утомиться размышлением над вечными истинами спасения.

С другой стороны, постоянно обращая мысли к христианским догматам, рассматривая истины в самих себе, в то время как их следует изучать, прежде всего, в их воздействии и

связи с человеческой природой, он рискует заблудиться в пустых спекуляциях, погрязнуть в бесплодных тонкостях и увлечься вымыслами собственного ума. Разве не из среды духовенства вышли эти бесконечные споры, ожесточённые диспуты, эта богословская ненависть, которые превратили религию любви в арену для яростных борцов? Никогда те вопросы, которые раздирали Церковь, не возникли бы в умах простых верующих, сосредоточенных на исполнении обязанностей своего звания. Невежество принесло много зла христианству — я это знаю. Но от кого оно получило удары наиболее губительные? От суеверных или от учёных, от невежества или от теологии?

Эти соображения могут показаться чисто теоретическими, может быть, даже парадоксальными. Я спешу перейти к выводам, которые можно из них законно извлечь и ради которых я их изложил. Если верно, что существование духовенства — это средство против зла, и если оно в свою очередь оказывает вредное влияние, следует стремиться — в пределах возможного — устранить зло, порождённое этим средством, и то зло, которое делает его необходимым.

Не следует опасаться, приняв этот принцип, лишить служителей Церкви их авторитета или заставить их подчиняться прихотям паствы. Разве магистрат, избранный народом, подчиняет свои решения воле своих избирателей больше, чем царь, получивший власть по праву божественному? Конечно, нет. Существует ведь вечный закон, стоящий выше всех человеческих соглашений: справедливость. Так же и в Церкви Христовой существует высший закон, которому должен подчиняться всякий служитель, независимо от происхождения его призвания: Евангелие. Избранный верующими, он будет избран не для того, чтобы учить и увещевать по их мнению, но согласно Евангелию.

Не следует также бояться, что тем самым уменьшится ответственность духовенства. Служитель принимает свои функции такими, каковы они есть, а не такими, какими они могли бы быть теоретически. Он знает, какую ношу он берёт на себя: Бог взыщет с него за то, как он её понёс. Недостатки, связанные с существованием духовенства, в большинстве своём являются необходимым следствием самого его существования. Однако есть и такие, которых можно устранить, сохранив при этом служителей Церкви. Это — остатки двойной морали, связанные с идеей церковного сана. Церковный сан не несовместим ни с чем, что является христианским. То, что не является христианским, несовместимо не только с церковным саном, но и со званием всякого верующего. Вот тот принцип, который нужно стараться полностью прояснить.

Чтобы достичь этой цели, пусть служители религии всеми своими поступками и всеми своими речами показывают, что они делают всё, чтобы повиноваться своей совести и закону Божию, и ничего — ради соответствия приличиям их облачения или предрассудкам мира. Пусть они никогда не запрещают себе категорически и как несовместимое с их саном то, что они могут законно позволить членам своей паствы. Быть может, они тем самым заденут некоторые предрассудки. Возможно, вызовут ропот. Подвергнутся критике узколобых умов. Что с того? Оставляя то исключительное положение, в которое хотят их заключить, они больше не будут подставляться под обвинения в лицемерии, которые злонамеренные люди слишком охотно бросают в их адрес; они расширят сферу своего влияния, они послужат делу религии.

Кроме того, пусть ничего не боятся. Пусть покажут себя подлинными учениками Иисуса Христа — и этого будет достаточно, чтобы выделиться из толпы; у них всегда будет положение, которое, к несчастью, останется слишком исключительным; и чем больше по-настоящему христианское поведение будет свободно от мелких условностей, тем ярче оно будет сиять, как светильник, среди развращённых обществ. Помимо личного поведения священнослужителей, возможно, для достижения поставленной цели следовало бы желать

исчезновения категории тех людей, которые носят святой сан, не исполняя и не желая исполнять ни одной из функций, связанных с этим саном. Их существование, в самом деле, приучает рассматривать церковный сан как нечто отдельное от служения служителей Евангелия.

Было бы также, возможно, желательно, чтобы из некоторых кодексов исчезли странные законы, лишающие служителей Церкви их гражданских прав. Эти законы, по крайней мере, в нашей стране, стали результатом соображений, полностью чуждых тем идеям, с которыми я здесь полемизирую. Однако их следствием является то, что они располагают толпу к восприятию священников как людей совершенно особых, которые, даже вне границ своих полномочий, имеют права и обязанности, отличные от обязанностей других членов паствы.

После того как будут устранены, насколько это возможно, неудобства, проистекающие из самого существования духовенства, останется устранить зло, которое делает необходимым это существование, — то есть оживить в каждом верующем живую веру и постоянное рвение. Этого результата никогда не удастся достичь в полной мере, но к нему можно приблизиться в большей или меньшей степени. По мере этого приближения следует всё больше и больше передавать членам паствы осуществление их прав. Чем сильнее, напротив, общее равнодушие, тем более сильным должно быть духовенство. В нынешнем состоянии дел я не думаю, что можно было бы внезапно и полностью передать общинам осуществление их естественных прав. Уже достаточно странно видеть, как политические органы, не дающие никаких гарантий христианства, вмешиваются в религиозные дела — не добавляя к этому ещё и зрелища Церкви, в которой неверующие и равнодушные, быть может, в большинстве, были бы призваны либо назначать служителей, либо принимать активное участие в публичном богослужении.

Фактически церковные полномочия находятся в руках духовенства, которое может передать их лишь тем людям, кто желает быть христианином. Оно должно тщательно хранить эти полномочия и передавать их лишь с осторожностью. Но оно никогда не должно забывать, что эти полномочия по природе принадлежат всем. Те служители Церкви, которые позволяют себе быть ослеплёнными корпоративным духом настолько, что отождествляют свои интересы с интересами христианства, которые без необходимости стремятся усилить свои властные полномочия, работают против религии. Их подлинное дело, напротив, — дело самоотверженное и возвышенное — состоит в том, чтобы всё больше вовлекать верующих во благо религии, а тем самым и во благо Церкви; чтобы всеми своими молитвами и усилиями приближать то время, когда каждый будет считать себя ответственным за душу своих братьев, когда каждый будет активно трудиться в деле Господа, когда все услышат этот внутренний призыв: «Горе мне, если я не благовествую!» — и когда члены духовенства, растворённые в пастве, как пресвитеры первохристианской Церкви, будут отличаться от других лишь постоянством своего рвения и широтой своей деятельности.

Такое состояние никогда не осуществится здесь, на земле; я уже это сказал и слишком хорошо это знаю. Огромное сообщество, всецело оживляемое духом своего Главы — вот идеал Церкви. Этот идеал, как всё великое и прекрасное, что может постичь наш разум, побуждает нас возводить очи выше этого преходящего мира, в вечные обители, где всякое совершенство однажды осуществится. Но, тем не менее, важно составить себе правильное представление о том, чем была бы Церковь в своей совершенной форме. Даже если отказать себе в праве выводить из этого идеала следствия для практики управления церковными делами, останется, по крайней мере, одна важная истина, в прояснении которой, завершая эту работу, я был бы счастлив принять участие. Различные формы, в которых единая Церковь оказывается раздробленной здесь, на земле, — это результат несовершенства нашей природы.

Ни одна из них не обладает божественным мандатом. Пусть этот принцип хорошо проникнет в сознание. Тогда станет понятно, что ни одна внешняя оболочка христианства не является хорошей сама по себе и в абсолютном смысле, что все они могут быть хороши — в зависимости от обстоятельств. Тогда перестанут осуждать и предавать анафеме друг друга за управление и дисциплину, как прежде осуждали за догматы. Вместо того чтобы делиться на враждующие лагеря, христиане объединятся для противостояния общим врагам. Почитая и любя ту Церковь, в которой они родились, в которой они приняли божественные наставления Евангелия и с которой у них связаны дорогие воспоминания, они всё же поймут, что привязываться нужно не к Церкви, а к христианству. Если времена изменятся, если форма устареет и обновится, то, вместо того чтобы упорно искать Спасителя в пустой гробнице, они услышат внутренний голос, говорящий им, как некогда ангелы верным женам: «Его нет здесь, Он воскрес!».

Какие изменения принесёт течение времени в формах христианства? Будут ли верующие делиться на всё более дробящиеся общины? Содержит ли Провидение какой-то неизвестный способ для достижения той единой церкви, которую до сих пор напрасно искали? Только Бог знает это. Но что важно! Какое значение имеет сообщество, к которому человек принадлежит здесь, на земле? Какое значение имеют внешние формы и названия, данные людьми, для того, кто заранее принадлежит вечной и славной Церкви, в которой все верующие, объединённые узами общей любви, сольются в таинственное и небесное единство с Христом и Отцом Его. Возможно, что среди церковных систем одни в целом предпочтительнее других. Какие из них лучшие? Какая из них лучше в данных обстоятельствах? Большим достижением в решении этих вопросов было бы отказаться от идеи о божественном учреждении.

† † †

Факультет теологии, ознакомившись с настоящей диссертацией, разрешает её печать, не высказывая при этом своего мнения относительно изложенных в ней утверждений.

Дюби,
Профессор декан.
Женева, 11 апреля 1839 года.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top